

Йозеф
Павлович

Младе лета

Букашка, по имену Машка

Цена 2 р. 35 к.

Букашка семиточечная,
называемая также *божьей коровкой*;
по латыни *Coccinella septempunctata*
(произносить надо кокцинелла септемпунктата)

Мухомор красный
по латыни *Amanita muscaria*
(произносить надо аманита мускариа)

Младе лета

Буканжа, по имени Машка

*Йозеф
Павлович*

*Букашка,
по имени
Машка*

Перевод со словацкого Веры Петровой

Младе лета 1985

© Jozef Pavlovič 1982

Translation © Vera Petrova 1985

Illustrations © Luba Končeková-Veselá 1982

Чудо-печка

Всю-то долгую зиму букашка, по имени Машка, провела под землей в своей избушке-норушке.

Маленькая у нее избушка, всего одна комнатуха. Зато стенки в ней круглые, а на одной стенке висит толстый-претолстый календарь. Что листок, то денек. Кончается денек, облетает листок. Так и месяцы летят. Один за другим.

А еще в Машином домике есть чудесная печка. Впрочем, назовите ее, как хотите: можете печкой, а можете и луковичкой. Ведь на самом-то деле эта печурка — круглое брюшко — корешок подснежника. Луковка в земле, стебелек с листочками снаружи. Через стебелек, как в подзорную трубу, можно увидеть все, что наверху происходит: когда солнышко восходит, спать иль уже пора вставать, на землю выбираться и за дело приниматься.

Наша божья коровка — букашка, по имени Машка, в трубу глянет и опять спать!

Ну, кто ей скажет, что уже пора вставать!?

В первый раз сказала жесткая подушка, что /7

лежала у Машки под ушком, ведь от этой подушки всего один листок остался!

Подгребла Маша еще несколько листьев, положила один на другой. Стала теперь подушка высокая и мягкая и шелестит приятно.

Опять Маша уснула. Спит крепко-крепко.

Что же теперь будет? Кто ее разбудит?

Во второй раз букашку Машку разбудил веселый смех. Кто это может смеяться, когда надо с постели подниматься? Да это же сама Машка смеется!

С календаря свалился февральский листок и пощекотал нашу божью коровку! Вот она и засмеялась.

Проснулась, подобрала листок, сунула под бочок, а потом повернулась и опять уснула. Спит и спит. А уже март на носу. Что же теперь будет, кто ее разбудит?

В третий раз Машу разбудил громкий стук. Будто кто-то на барабане дробь выбивает.

Кто бы это мог быть? Оказалось, сама букашка Машка! От холода дрожит, зубами стучит! Озябла. Вылезла букашка Машка из своей постельки, распахнула печные дверки, а в печке ни полешка!

Побросала букашка все календарные листки в печку и своей подушки не пожалела: но как затопить печку без спичек, может у синичек спросить?

Выбралась Машка из норки наверх. Нету синичек. Но кое-где проклюнулись из-под снега первые подснежники, а снежных островков еще много. Так часто бывает, зима еще не совсем ушла, а весна еще не совсем пришла.

— Ну, конечно, — подумала букашка, по имени Машка. — Ведь подснежник должен вырасти из той самой луковки, что в моем домике вместо печки стоит!

А Машкин домик еще покрыт глубоким снегом.

Поглядела наша Маша на яркое солнышко, потом на белый снег, потом на свои руки и говорит: — Не так уж того снега много, чтобы мне с ним не справиться!

Стала снег разгребать, да как закричит:

— До чего же снег мокрый! Сразу в руках тает!

Еще немножко разгребла, чуть в снегу не утонула.

10/ — Холодный и мокрый, как лягушка! — кричит

Маша и тащит снег на опушку. — И тяжелый, как камень!

И тут в снегу блеснул настоящий камушек-кремушек! Тот самый, из которого, если знать и уметь, можно высечь искру. Но Маша за долгую зиму все успела позабыть и не знает, как ей быть?

„Надо, чтобы было два камушка“, — вдруг вспомнила она и не жалея сил стала рыться в снегу, искать второй кремушек. Уф-ф! Нашла!

Бах! Камушек о камушек! Вжжик! — искры во все стороны! Огонек в печку прыг!

Печка топится. Стало в избушке тепло, а потом даже жарко. Опять пришлось Маше из дому наверх выбираться.

Выбралась. Оглянулась и глазам не поверила: снега нету, весь растаял, а из луковики-печки тянется вверх стебелек подснежника! Да так быстро, все вверх, все вверх!

Вытянулся, но еще не расцвел. Наверное потому, что листья от зимнего календаря уже сгорели, а солнышко сверху еще не сильно греет.

И тут наша букашка Машка, а если вам больше нравится, — то божья коровка — вот что придума-

ла: подставила солнечным лучам свою красную спинку с семью черными точками. Спинка блестит, как зеркало, лучи принимает, ломает и на зеленый стебелек бросает.

И вот белый красавец подснежник расцвел. Букашка Машка, ну, от радости плясать, ножками топать, ручками хлопать, хотя может и наоборот, где у нее ручки, где ножки, кто разберет?

Топают-хлопают, аж под ней земля ходуном ходит. Неудивительно, что у соседа сверчка над головой хрустальная люстра вместе с кленовой скрипачкой из стороны в сторону качаются. А ведь с самой осени висели спокойно. Люстра зазвенела: дилинь-бом, дилинь-бом, скрипачка запела:

— доooooooooooooooooooooooooooooo
— реeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeeee
— мииииииииииииииииииииииии
— фаааааааааааааааааааааааааа

Сверчок один глаз приоткрыл и решил, будто видит сон: волшебная скрипачка без смычка играет, волшебная люстра пляшет, сверкает.

А когда второй глаз приоткрыл, сразу на ноги вскочил. Снял скрипочку с гвоздика и заскрипел-заворчал:

— Ну и покажу же я безобразнику, который мою драгоценную люстру раскачивает!

Перепрыгнул через гору немытой посуды — всю зиму не мыл, и не обувшись и не одевшись, выскочил наружу.

— Ты что уже проснулась? — проскрипел удивленный сверчок.

— Как видишь! Божьи коровки весной рано просыпаются, — отвечает букашка, по имени Машка. — А ты-то зачем выскочил? Холодно еще без сапог на скрипке играть!

Сверчок отвечает:

— Правда твоя, никто босой не играет. Да только я всю зиму проспал, ни разу не играл, пускай замерзнут хоть ноги, хоть уши, хочу свою скрипочку сейчас же послушать! — Он провел смычком по струнам и скрипка запела.

А букашка Машка пошла плясать, крылышками махать. Ей жарко, а сверчок озяб, отложил скрипочку, ручками хлопает, ножками топает.

— Пока хватит, а то морозом прихватит! — сказал он и полез вниз по длиннющему коридору, который ему, сверчку, и спаленкой служит и гостиной, и кухней, и чуланом тоже.

А букашка Машечка забралась в венчик подснежника и словно в теплое белое одеяльце укуталась.

Дремлет, неохота ей обратно в норку. Любопытно, что вокруг творится, не проглядеть бы, не упустить. Иначе скучно Машке жить.

Как букашка Машка в шарики играла

Возле подснежника, который вырос из луковки-печки, остановились три развеселых жука. Хохо-чут, шумят, в карманах чемто гремят.

— Уже расцвело первое весеннее дерево! — говорит один жук и кивает головой на вербу, а на ней повисли новые золотисто-желтые барашки.

— Уже прилетели первые птички, — заметил второй и ткнул рукой в сторону скворцов, которые сидели на ветвях в своих курточках в крапинку.

— Уже цветут первые весенние солнышки, — сообщил третий жук и ногой показал на мать-и-мачеху.

— Самое время брать в руки шарики! Нечего им зря наши карманы оттопыривать! — решили первые жуки-козявки.

Услыхала букашка Машка и споркнула с подснежника.

— Да как же вы будете в шарики играть, если у вас нету ямки, куда шарики катать?

Поглядели жуки один на другого, потом на ямку, /15

что была неподалеку, потом на букашку Машку. Сразу видно — девчонка. В мальчишеских играх не разбирается, реветь собирается.

— Это почему же нету? У нас прошлогодняя осталась, — отвечают жучки.

Но о том не подумали, что за год многое может измениться, там, где небольшая ямка была, сейчас появилась глубокая мышиная нора.

— Жучки-добрячки, можно и мне с вами в шарики поиграть? — клянчит божья коровка Маша.

— Нет, нельзя, — отвечают они безо всякого стыда. — Это — не девчоночья игра!

Стоит букашка Машка в сторонке, стоит слезами обливается. Очень ей себя жалко! А жучки тем временем забивают и забивают в ямку разноцветные шарики.

— Какая-то ямка чудная, — удивляются жучки, — шарики исчезают, будто сквозь землю проваливаются.

И не знают жучки, что ямка эта ведет в дыру, а оттуда в мышиную нору по кривому коридору. Живет в той норе мышонок, — единственный у мамы-мышки ребенок.

Сидит мышонок на полу у самого входа в нору, от нетерпения ложкой по полу стучит, на маму-мышь кричит:

— Есть хочу! Подавай обед, я не ел сто лет!

Мама-мышка из кухни вышла, в лапах полный чугунок чего-то зеленого тащит и ставит его на пол перед мышонок, капризным ребенком.

— Ох, опять горох! Я его видеть не могу! Ох, каждый-прекаждый день горох! — хнычет мышонок.

— Горох очень полезен, — отвечает мышка-мама, — кто ест горошек, тот не боится кошек!

Надулся мышонок, но делать нечего, взял ложку, набрал горошку, в рот отправил, от возмущения глаза зажмурил. И не видит, что сверху из ямки один за другим к нему в норку разноцветные шарики падают.

Первый шарик был желтый, вслед за ним упал оранжевый, потом коричневый, розовый, синий, фиолетовый... съел мышонок весь горох, что в чугунке был, а сверху еще один шарик светлозеленый хлоп! И прямо в его ложку!

— Ем, ем, а гороха все не убывает, да какой-то /17

твердый, невкусный, — сердится мышонок и ложку с последним горошком сует прямо в рот.

— Ой! Мой зуб! — запищал мышонок. Подпрыгнул от боли и сквозь дыру в потолке наружу выскочил.

А жучок в это время размахнулся и поддал последний шарик.

— Ага! Вот что летит в мое окно! Жучки шарики швыряют, а мышата жубы ломают! Шломался жуб шамый-прешамый оштрый!

Схватил мышонок последний шарик и запищал: — Вше! Прощайтесь шо швоими шариками! Навшегда! — сверкнул глазами и исчез в норе.

Стоят жучки, лапки опустили, головки повесили, переглядываются, что делать не знают.

— Кто из вас пойдет шарики освобождать из мышиноного плена? — осмелился спросить первый.

— Я зубастого мышонка боюсь, — признался второй.

— И я тоже, — дрожащим голосом сообщил третий.

— Вот еще! Нашли кого бояться, мышонок не станет кусаться! — скромненько сказала божья

коровка, наша букашка, по имени Машка. Ножки поджала, головку к самому животику прижала и покатилась к ямке.

Жучки глядят на нее с изумлением. Куда и страх девался! Но вот красный шарик с семью черными точками добрался до мышиной норы и жучки дружным хором закричали:

— Букашечка Машечка! Мы уже не трусим! Не

боимся ни капельки! Ни самой маленькой капелюшечки!

— Тащите сюда стручок гороха! — приказала букашка, по имени Машка.

А мышонок сидит себе посиживает и перебирает разноцветные шарики.

— До чего же хороши, заявляю от души! — пищит он и вдруг видит катится к нему еще один шарик, красный в черную точечку.

Но тут наша божья коровка, по имени Машка, остановилась и задрожала: она вспомнила, что девчонки всегда боятся мышей!

— Ну иди скорей сюда, ты мой раскрасавец! — закричал мышонок и заулыбался во весь рот.

Букашка Машка подкатилась поближе и засверкала среди остальных шариков своей яркой красотой.

— Так! Милые шарики, теперь вы мои навсегда, и жукам вас никогда не видать! А пока, а пока вздремну-ка я после сытного обеда, — сказал он и улегся на мягкую постельку.

Не успел мышонок закрыть глаза, как наша букашка, по имени Машка, расправила красные в точечку крылышки и давай шарики один за другим

из мышиной норы выбрасывать. Щелк-щелк-щелк! скачут разноцветные шарики вокруг жучков, будто дождь или град, каждый жук им рад, набивают жучки кармашки, спасибо букашке Машке!

Потом они притащили большой гороховый стручок и заткнули им мышиную норку. Стручок лопнул, горошины ринулись вниз, а одна самая зеленая мышонка-капризулю по носу — щелк!

Вскочил мышонок на ноги, какой уж тут сон! И что же он увидал? Жучки-весельчаки и букашка Машка во всю прыть шарики катают в новую ямку забивают.

— И эти шарики тоже мои, — запищал мышонок спросонок и собрался броситься к шарикам. Но тут вдруг почувствовал, что кто-то безжалостно дергает его за хвостик. Как вы думаете, кто? Ну, конечно, мама-мышка! Рассердилась на сынишку: и не ел он и не спал, только в шарики играл.

— В норку посажу и за хвостик привяжу! — строго сказала она и потащила его домой.

Сидит мышонок-привереда, ест, что осталось от обеда. Ох, опять горох! И слезы, как горошины, кап-кап-кап падают на земляной пол.

Как букашка Машка на кобылке каталась

— Дождик, дождик перестань! — закричали жучки, побросали свои стеклянные шарики и разбежались в разные стороны. Букашке Машке тоже неохота мокнуть, вот она и залезла под ромашку.

А дождь все льет! Потоп, да и только, попрятались козявки, один дождевой червяк не боится воды нисколько. Вылез из норы, радуется, рассуждает:

— Всякому дождю приходит конец!

— А у дождевого червя — два конца, — дразнится улитка. — Где ноги, где голова? Никто не знает!

На лесную тропинку выбежали жучки. Увидали букашку Машку, остановились. Пересчитали черные точки на ее красной спинке и запели во все горло:

— Божья коровка улети на небо . . .

А букашка Машка — божья коровка подхватила:

— . . . Принеси нам хлеба, черного и белого, только не горелого . . .

22/ И вдруг прямо к ним по тропинке луговой едет

жук ленивец на автомобиле: дубовый мотор ревет, буковые колеса крутятся-вертятся.

Улитка дорогу равняет, но ленивец, не разбирая пути-дороги, прямо на нее катит. Вот-вот дубовые колеса ее раздавят. Уф! совсем рядом пролетели!

— Ах ты, грубиян эдакий, чуть мне ногу не отдал! — возмутилась невозмутимая улитка.

— Чихать я хотел на твою ногу! — крикнул он и может нарочно, а может случайно, пустил улитке прямо в лицо дымное облако! Каков безобразник?!

— И я на тебя чихала! — расчихалась от дыма улитка, подхватила облако на рожки и разметала по дорожке.

Дождевой червь в это время расставлял на дороге дорожные знаки и вычерчивал полосы, пунктирные и непрерывные и всякие другие, совсем, как на шоссе. Ленивец жмет на гудок, но червяк не слышит, не оборачивается, ничего не видит, ведь у него и глаз-то нету, говорят, будто он видит всем телом. И тут совсем рядом с ним прогремели буковые колеса.

— Ты мне чуть хвост не отдал, бесстыдник ты эдакий! — возмутился дождевой червяк.

— Чихать я хотел на твой хвост! — отвечает грубиян-ленивец.

— А я на тебя! — закашлялся червяк и хвостом разметал серое облако дыма на мелкие клочки.

Наконец, ленивец остановился посреди тропинки, вылез из своей машинки, видит жучки с божьей коровкой в салочки играют, бегают вокруг мать-и-мачехи, друг дружку догоняют.

— Это что же получается, у какой-то букашки Машки целых три товарища, а у меня, бедняжки, никого, даже самой маленькой таракашки! — и призадумался ленивец, и крикнул:

— Эй, козявки, не наткнитесь на булавки, лучше со мной поиграйте. Букашку Машку бросайте! У нее семь точек на платице, а у меня их полным-полно и все желтенькие!

— Не станем мы с тобой играть, ты злой и грубый, — ответили жучки и надули губы.

— А у меня зато есть автомобиль! — говорит жук-ленивец.

— И у нас тоже! — закричали жучки и, усевшись на Машкину красную спинку в черную крапинку, съехали вниз по стебельку.

— Мой автомобиль быстрее!

— Твой автомобиль годится только в утиль! —
хохочут жучки.

Но в этот момент — Прраск! Бом! Рраз! —
ленивец дал полный газ и с шумом влетел в лужицу.

Вода во все стороны! Промокли козявки до нитки. Ну, и рассердились же они! Растопырили усы, схватили хворостины и за ленивцем припустились:

— Убирайся прочь! — кричат. — Если не умеешь дружно жить! Ты только и знаешь, всех обижаешь! Вот поймаем, рога обломаем!

— Где вам меня поймать! — ухмыляется ленивец. — После дождичка в четверг меня обратно ждите, тогда и ловите!

Но вскоре ему стало не до смеху: жучки за ним вскачь несутся, вот-вот схватят! Ленивец жмет на газ, автомобиль кашляет-чихает и вдруг на полном ходу летит в канаву! Мотор — налево, колёса — направо! И покатились, покатились во все стороны света, одно — на север, другое — на юг, третье — на запад, а четвертое . . . на . . ., ну, да вы, конечно и сами знаете, как она называется. /25

У ленивца в руках только руль остался. Теперь уже никто из жуков над ним не смеялся. Опустили рога, жалеют врага. Да какой же он враг? Просто так, озорник, дружить не привык. Надо его научить, как с друзьями в мире жить.

— Ой-оё-ёй! Где мои буковые колесики! — причитает жук-ленивец.

— Из маргариток тоже прекрасные колеса получатся, — успокаивает его божья коровка Маша.

А жучки уже собирают маргаритки, потому что и ежу ясно, какой же это воз, если он без колес!

— Ой-ёй-ёй! Где же мой мощный дубовый мотор! Знаете, какой он был! Целых семь лошадиных сил! Это же целых семь коней в одной упряжке!

— А нам хватит и одной лошадки, — сказала Машка и показала ручкой на кобылку луговую.

Кобылка подскочила, взлетела и опустилась рядом с ними. Вот она я, стою перед вами! Но что это? Почему она так печальна и грустна, словно на дворе осень, а не весна-красна?

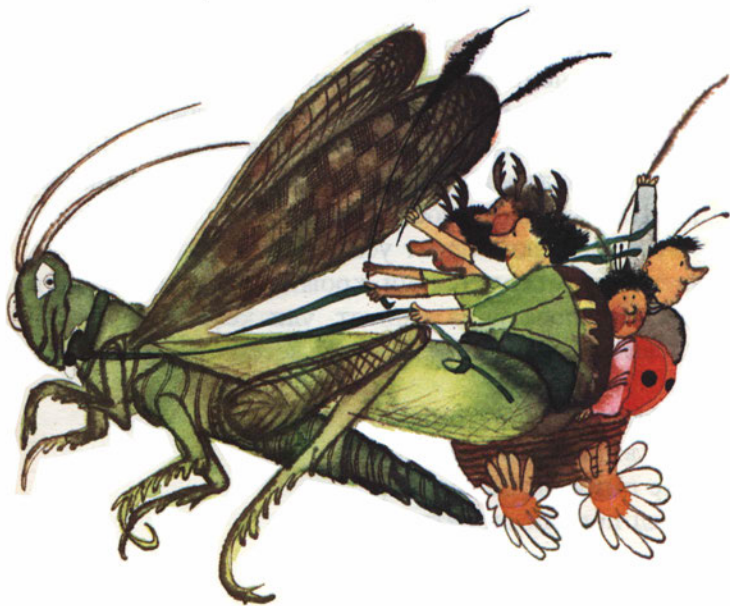
— Ты что это, подружка? Или у тебя болит ушко? — спрашивает Машка.

26/ — Да-аа-а, у всех есть свой любимый конек или

кобылка, только меня никто не любит! Никому я не нужна!

— Нам нужна! Очень! Если хочешь, поработай в нашем автомобиле лошадкой, нам очень-преочень нужна одна лошадиная сила, один конек! — предложила божья коровка.

Кобылка луговая очень обрадовалась. И даже

ленивец, представьте себе, заулыбался, засиял, как весеннее солнышко. И все они дружно уселись в повозку, мощностью в одну лошадиную силу.

— Поехали! — скомандовала букашка, по имени Машка, жучки хлопнули травяными бичами, и кобылка помчалась.

Мчалась-мчалась, а потом взмыла ввысь. Летит, в голубом поднебесье над лужком зеленым, а внизу думают: может это комета с хвостом или новое созвездие появилось под названием „Ход конем“?

Летит наша повозка над поляной, внизу улитка дорогу прокладывает, на небо поглядывает. Дождевой червяк дорожные знаки расставляет, славному экипажу головой-хвостом кивает.

А из повозки торчат усики, да рожки, никто ни на кого не сердится ни крошки, лапками машут, веселые слова вниз кидают, улитке и червяку-дождевичку привет посылают и весело поют:

Мчится наш автомобиль,
не вздымая злую пыль,
не дымит и не гремит,
над полями он летит . . .

Так они летели и пели, пели и летели. Сделали три круга над зеленеющим лугом и сели. Кобылка стала клевер щипать, а ленивец с жучками и с букашкой Машкой стали в салочки играть. Бегают вокруг повозки, никак Машку не осалят, а она крылышками взмахнула и на кобылку опустилась.

Жучки кричат:

Божья коровка,
улети на небо,
принеси нам хлеба . . .

И божья коровка — наша букашка, по имени Машка, песню подхватила:

Черного и белого,
только не горелого! . . .

Лесная музыка

Летит наша Маша над цветущим лугом и думает:

— Эта лужайка на меня похожа, ну точь-в-точья, у меня точки и она вся словно в точках — в белых цветочках!

Кружится божья коровка над кустом сирени, с пышными гроздьями и думает: „Здесь будет зал, и мы устроим веселый бал!“

И она опустилась на сиреневый куст, душистый и пушистый, сидит оглядывается, а о том не догадывается, что неподалеку от нее, среди густой листвы растянул паутину большой паук — крестовик восьминогий. А там что за голая веточка? Ох, да это же не веточка, это же гусеница примостилась! А под сиреневым кустом улитка построила дом.

— Улитка! Паук! Гусеница! Что вы делаете, когда ничего не делаете? — кричит им букашка Машка.

— Мы музыканты, наше дело играть, а ваше под музыку скакать! — ответили они хором.

— Правильно, если есть зал, где будет бал, значит нужны и музыканты. А где же ваши музыкальные инструменты?

— Я играю на трубе-геликоне, — сказала улитка, сняла со спины свой дом и подула, как в трубу: — тули-тули-тули-ту!

— А я на гармошке! — сказала большая гусеница и давай растягиваться и стягиваться: — Эх-ох-оха-ха — раздуваются меха!

— А я на цимбалах, — говорит паук и перебирает паутинку, сразу пустив в дело восемь ног — восемь рук: брнки-брунки, брнки-брунки, пойте, пойте мои струнки!

— Ах, как прекрасно звучат ваши музыкальные инструменты! — восхищается Маша. — Сыграйте, пожалуйста, веселый танец, я плясать пойду, свою душу отведу!

И музыканты дружно грянули: кто что знал: улитка: „Танцуй, танцуй, приплясывай . . .“. А гусеница: „Во саду ли, в огороде . . .“. Паук же знай наяривает: „Коси коса, пока роса . . .“.

Божья коровка схватилась за голову: от такой музыки у нее уши вянут. Перестали музыканты

играть, кто знает, вдруг от их музыки и сирень завянет? Лучше не рисковать . . .

— Почему же так случилось, что у нас ничего не получилось? — разводят музыканты руками.

— Потому что, кто-то должен тон задавать и соло играть, — объяснила им божья коровка Маша.

Тут-то и поняли музыканты, что нету среди них майского жука-контрабасиста. Недаром говорят, тон делает музыку! Как же это они про жука забыли, без него инструменты схватили!

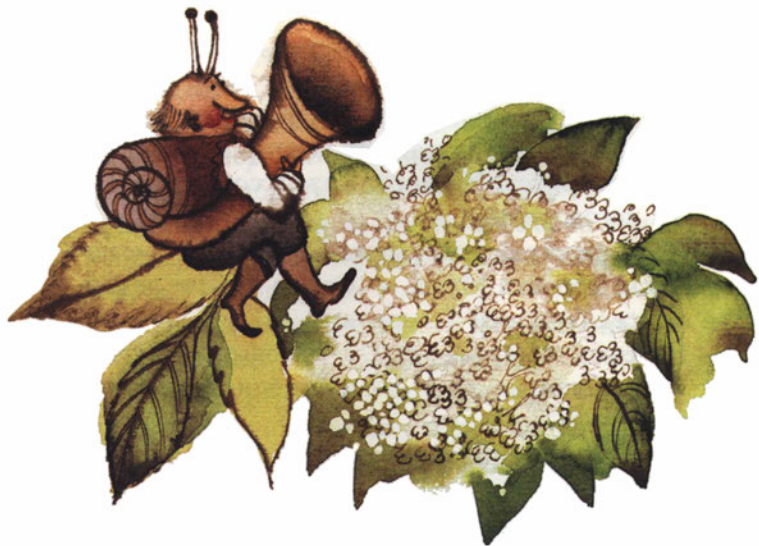
— Я за ним сбегаю, — сказала улитка.

— Пока ты доползешь, целый век пройдет, — возразила гусеница, — лучше я сползаю!

— Нет уж, пока ты доберешься, сто лет пройдет — я пойду, — сказал паук и шагнул вперед всеми восемью ногами.

Пока они спорили, божья коровка Маша крылышки расправила и поднялась в воздух.

Вот и домик майского жука. Влетела Маша в домик и чуть в обморок не упала: контрабас на полу, смычок рядом валяется, а майский жук кверху ножками на диване лежит. Рядом врачи хлопо-

чут, справа доктор-шершень, слева — доктор-шмель.

— Нашшш жжук слабее мухи, ему контрабассса не поднять! — сказал шершень и вытащил из кармана серебряный шприц.

— Ну ужж! Что там муха! Сслабее мушшшки, — возразил шмель. — Ему даже сссымычка не /33

удержать! — и достал из кармана стаканчик, а в нем две капли меда.

— Только укол! — говорит доктор-шершень.

— Только мед! — возражает доктор-шмель.

Вот что творится! Не могут между собой ученые-доктора договориться!

— Не обижайтесь, уважаемые врачи, — вмешалась божья коровка Маша. — Самое лучшее лекарство от всех болезней — молоко!

— Надеюсь не коровье? От коровьего муу-муу глохнут шершни на лугу, — рассердился доктор-шершень.

— И не козье! Коза кричит ме-э да ме-э, неизвестно, что у нее на уме . . .

— Нет, не коровье, и не козье, а одуванчиковое! — отвечает божья коровка и бежит к дверям.

— И я с тобой, я так люблю одуванчики, они желтенькие, как утята! — согласился шершень, а шмель добавил: — Они, конечно, желтенькие, как утята, но бывают и беленькие, как гуси!

А божья коровка Маша им в ответ:

34/ — Вы куда собрались? Бедного больного одного хотите бросить?

— Что ты, что ты! Ни в коем случае! — вскричали доктора. Шершень схватил контрабас, шмель смычок и положили рядом с майским жуком.

— А теперь за работу! Довольно болтать, надо комнату прибрать! — сказали они.

Шершень взялся за веник, шмель за тряпку и не успела букашка Машка глазом моргнуть, как в норке все блестело.

— Давайте проветрим! — сказала она.

— Сейчас, — отвечают доктора.

Шершень растворил одно окошко, шмель распахнул второе и сквознячок выдул их обоих на лужок. Машка, не мешкая, вылетела следом за ними. А на лугу — одуванчиков море.

— Нам не пристало спорить, — сказала божья коровка. — Пора начинать молочко добывать, но я уже успела позабыть, как надо одуванчики доить.

— Сделаю цветку укол и молочко польется, я знаю откуда оно берется, — зажужжал шершень и вонзил в стебелек шприц, острый, как жало.

— Ах, ах, а бидончик-то я и позабыла, — всполошилась божья коровка Маша, она все еще кружила над одуванчиком.

— Ничего, обойдемся стаканчиком, — жужжит шмель и протягивает букашке Машке стакан.

Нацедили они втроем полный стакан и божья коровка, обхватив его лапками, полетела к боль-

ному. Ее сопровождали доктора шершень и шмель. Один впереди, другой позади, чтобы никто их не толкнул и молоко не расплескалось, а все больному досталось.

Прилетели, рядом с майским жуком сели, рот ему раскрыли, и молочко влили. Ох, и горькое же оно!

— Бррр! — жук вскочил, — ничего противнее в жизни не пил. А, впрочем, я не прав, замечательное лекарство, теперь я здоров, благодарю докторов! И шмеля, и шершня и милейшую божью коровку, букашку Машку!

Он схватил в одну руку контрабас, в другую смычок, и вдруг вспомнил:

— Ох, дырявая моя голова, мне давно надо быть на репетиции оркестра! — и он помчался к сиреневому кусту.

Прилетел, смотрит, а паук-крестовик скрестил все восемь ног и рук и спит в своей паутине, гусеница обвила сучок и дремлет, а улитка так храпит, что домик на ее спине ходуном ходит.

— До-ре-ми! — ударил жук по струнам, а это на музыкальном языке означает: подъем!

Улитка выскочила из домика, гусеница распря-

милась, паук схватил ножки в ручки и из его паутины посыпались остальные ноты: Фа-соль-ля-си . . .

Музыканты привели себя в порядок, расселись по местам и оркестр слаженно заиграл. А тут и доктор-шершень прилетел со своей скрипochкой и тоже сел играть, за ним доктор-шмель принес свою виолончель и тоже уселся за пюпитр. А букашка, по имени Машка — божья коровка, красненькое платице в черную крапинку, выходит на середину сиреневой грозди и пускается в пляс! А вокруг, да не вдруг — пляшут звери, пляшут птицы, и жуки и пауки. Пляшут горы и леса! Потому что, потому что, к нам пришла весна-красна!

*Как букашка Машка едва не пропала,
зато козявкам трудную-претрудную
загадку загадала!*

Какой нынче денек, трудно сказать. Ни теплый, ни холодный, ни хмурный, ни ясный. Никому ничего делать не хочется. Скучно козявкам, не знают, чем заняться.

— Послушайте, друзья, чем от безделья томиться, — предложила букашка Машка, — давайте соревноваться, кто из нас придумает самую трудную загадку.

Согласились жучки-паучки. Летать сегодня нельзя, а загадки придумывать — можно. Сколько душе угодно.

Шум стоит над лесом. Это лесные жители вслух думают. Одни про солнышко красное, другие про месяц ясный, остальные кто про что. В ушах звенит, такой крик стоит!

— Нетнирукниногоапройдетстодорогчтоэтого такое?
Или:

— Пестрое коромысло на дрекоу повисло, что это такое?

А Маша ходит по лужку, ничего ей в голову нейдет.

— Пойду-ка я лучше в лесок, там тихо, может что и придумаю, — решила она. Как решила, так и поступила.

Еще издали наша божья коровка увидела другую божью коровку. Стоит на одной ножке посреди дорожки, не пляшет, крыльями не машет. Шляпка красная на ней, а вокруг — ни козявок, ни зверей.

— Странно! Первый раз в жизни вижу, чтобы божья коровка стояла на дорожке на одной ножке! Какие удивительные привычки у лесных божьих коровок!

Подошла наша Маша поближе, а потом еще ближе, а потом совсем близко, видит — а это вовсе не божья коровка, а гриб, красный-прекрасный. Такой прекрасный, что нашей Маше захотелось его съесть. И она откусила маленький кусочек. Но делать этого не следовало! Ни в коем случае. Вот что за этим последовало: стало божьей коровке совсем плохо.

Сама не знает, как выбралась она из леса и едва живая упала на руки доктора-шершня и доктора-шмеля.

— Расходитесь козявочки, не будет загадочного . . . то есть загадкового . . . нет, не так: загадки загадывать сегодня не будем. Надо Машу спасти, ее жизнь на волоске висит! — закричали доктора на всю полянку и принялись лечить божью коровку.

Прежде всего пощупали головку. Потом спросили, где она так долго пропадала и кого повстречала. Куда пошла и что нашла.

Отвечает божья коровка Маша шепотом, что нашла она красный-прекрасный гриб.

Доктора спрашивают, что за гриб?

Отвечает Маша:

— Совсем, как я, но только не я. Шляпка набочок, а на красной шляпке белые нашлепки!

— Нет, нет! Это была не ты, а мухомор красный, очень, очень опасный! — вскричали доктора и дали Маше горького лекарства.

— А вы что тут стоите! — напустились доктора на жучков-паучков, — наша Маша опасно больна. Какие тут могут быть загадки?

— Нет, нет, мне уже лучше, милые доктора, давайте играть! Начинаем! Пора! — воскликнула божья коровка Маша и подняла головку.

Первая загадка была такая:

— Я спешу неторопливо,
но зато такое диво:
я ползу, ползу, ползу,
на спине свой дом везу!
Кто я?

— сказала улитка.

— Улитка, улитка! — закричали все.

— Угадали, — ответила улитка и вылезла из своего домика.

— Очень легкая загадка, сразу же ясна отгадка! Таких можно тысячу загадывать и сейчас же отгадывать! — зашумели-зажужжали жуки и козявки.

Вторую загадку загадал кто-то, кто сидел под широким листочком:

Коси, коса,
пока роса,

Коси, коса,
Коси, коса . . .
Что это такое?

— Паук! — ответил целый хор голосов. — Очень легкая загадка!

— Правильно, — сказал паук-сенокосец и вылез из-под листка.

Следующая загадка слышалась из-за камушка-песчаника:

— У меня так много ног,
может сто, а может двести,
и никак я, ну никак
не могу стоять на месте.
Кто я?

— Сороконожка! — сказал кто-то и представьте себе — угадал.

Настала очередь букашки Машки и она загадала такую загадку:

— Красный-прекрасный,

на кафтане точки.
Живет под кустом,
под зеленым листочком.
Кто это?

— Это ты, божья коровка, букашка Машка! —
закричали все вокруг.

— Нет! Не угадали! — засмеялась Маша.
Все притихли.

— А кто же?

— Это — мухомор!

— Ну, конечно, ведь он живет под кустом, —
кивнул головой жук.

— Да, и кафтанчик у него в точечку, — подтвер-
дил другой жук.

Божьей коровке только того и надо:

А теперь отгадайте еще одну загадку:

Красный-прекрасный,
на кафтане точки,
живет под кусточком,
под зеленым листочком!

— повторила она.

И весь луг зажужжал, засвистел, застрекотал:

— Ну, конечно, мухомор!

— Нет!

— А кто?

— Божья коровка, — отвечает Машка.

— А если мы скажем — божья коровка?

— Тогда я отвечу — мухомор! Все наоборот! Вот!

И тут все козявки, мурашки, жучки догадались, что Машка загадала им хитрую загадку. Скажешь — так, будет сям, скажешь сям, окажется так. Все наоборот, шиворот-навыворот и выворот-нашиворот.

Значит, самую трудную загадку загадала и всех обскакала букашка, по имени Машка. Она — победительница!

Но строгие доктора шершень и шмель не посмотрели на то, что Маша победительница и запретили ей ходить в лес. На всякий случай. Впрочем, любопытная Маша все-таки один разок отправилась в лесок, и прибила к белой ножке, под красной шляпкой плакатик:

**Внимание:
МУХОМОР КРАСНЫЙ,
ОЧЕНЬ ОПАСНЫЙ!**

Интересный разговор

У самой тропинки расцвел синий цикорий. Цветет и не укоряет тех, кто еще не успел расцвести.

На синий цветок цикория села красная божья коровка Маша и, задрав голову, поглядела на синее небо.

На небе сбились в кучу черные тучи и загородили ясное, теплое солнышко. Стало темным-темно.

— Сейчас хлынет ливень, какого еще свет не видал! Куда мне бедной укрыться? — испугалась букашка Машка, ведь, ни вокруг, ни около, нет укромного местечка, где можно переждать дождь.

И тут Маша вспомнила, что совсем неподалеку отсюда ее зимняя избушка с круглой комнатухой и печкой-луковкой.

Кинулась она к своему домику, хочет войти, да не тут-то было! В нем дождевой червяк поселился.

— Привет, червяк! Тебе в моей зимней квартире хорошо живется?

— Мне здесь никак не живется, — отвечает червяк. — Я здесь просто укрылся! От солнца здесь /47

схоронился. Я дорожные знаки рисовал, а солнце пекло-припекало, как в пекле. Вот я и забрался в твой дом, чтобы . . .

— Да перестань тараторить, никто не собирается с тобой спорить, пусти меня скорее в мой домик, сейчас дождь хлынет! — просит Маша.

— Это прекрасно! Это же просто замечательно! Чем больше дождей, тем жизнь милей! Когда дождь льет, как из ведра — мне на улицу пора, некогда мне в норе торчать, надо дорогу разрисовать! — отвечает дождевой червяк.

— Ну, ползи скорей, ползи, мой дом освободи. Интересно, как в моем зимнем доме летом живется?

— Здесь все цветет пышным цветом. У меня глаз нету, но я вижу всем телом. Весь твой дом переплели корни и корешки.

— Интересно! А столик на месте стоит, никто его не унес?

— Станный вопрос. Твой столик корни в землю пустил, его теперь и самому сильному силачу не поднять.

48/ — А печка?

— За печкой только зимой хорошо сидеть, а сейчас из нее, из твоей печки-луковки подснежник проклюнулся, вырос, зацвел, отцвел и печка опять просто луковкой стала, и стоит там, где раньше стояла.

— Чудеса в решете, то есть в моей норе. Выползай поживее, я домой хочу . . . Может, тебе помочь, коли самому невмочь?

— Нет, нет, я сейчас! Только вот из корешков выпутаюсь, а то совсем запутался, как мушка в паутине, или лягушка в тине! — Ах, мне только дождь поможет, — сказал дождевой червяк, потому он и зовется дождевым, — и высунул нос наружу, а может быть, хвост? У него все наоборот, кто его разберет?

Вежливая божья коровка, букашка, по имени Машка, все сидит в норе и ждет, когда дождь пойдет. Но дождь так и не пошел, налетел ветер, растрепал тучи и разогнал их по всему свету. Опять небо стало голубым, голубым, ну, просто синим, как тот самый цветок цикория, на котором сидела Маша.

— Ну ладно, дружок-червячок. Полечу-ка я лучше летний домик искать.

Она расправила крылышки, простилась и улете-
ла.

Во саду ли, в огороде

— Вот теперь-то я заживу! — решила наша знакомица, букашка Машка и приземлилась в огороде.

А тут божьих коровок — пруд пруди, конечно, если б они были лягушками. Но они-то ведь такие же букашки, как и Машка. Тут и букашка Дуняшка, и букашка Агашка, и букашка Малашка, и букашка Клашка, и Наташка, и Любашка . . . Зámков и дворцов здесь тоже хоть отбавляй: и Морковный, и Луковый, и Салатный, а Капустных — целых три — зáмок Цветной капусты, дворец Белокачанный, даже крепость Синяя капуста имеется.

Наша Маша сразу же облюбовала крепость Синяя капуста. На синем так красиво выделяется ее красное платьице в черную точку! Но пришел огородник и срезал синий кочашок. Только кочерыжка осталась. Букашка Машка как заплачет:

— Куда мне теперь деваться! Неужели назад, в зимнюю нору возвращаться?

— Ах, бедняжка, букашка Машка, — послышался голосок из замка Цветной капусты, — не

надо тужить, лети ко мне, будем вместе жить.
Это была букашка Агашка.

Стали они вместе жить в белоснежном замке. Но недолго длилась их радость. Явилась огородникова жена и большим ножом срезала цветную капусту.

Переселились Машка и Агашка к третьей подружке — перелетели к Дуняшке. Та жила в Салатном замке. Зеленом-презеленом.

— Располагайтесь, не стесняйтесь! Всем места хватит, если, конечно, огородник салат ножом не отхватит, — встретила их с распростертыми крылышками Дуняшка.

Но не долго они в салате резвились, прибежал огородников сынишка и срезал все салатные листья.

— Что это за жизнь, из замка в замок перебираться и все время кого-то бояться! Нет ничего лучше простого домика, — сказала одна божья коровка другой.

И — от ворот поворот. Прощай огород! Все дружно поднялись и улетели.

— Давайте напишем в газету, — сказала вторая божья коровка, — как плохо обращаются в этом

огороде с замками! Совсем не берегут, хотя и стерегут!

Они подхватили сухой листок и дальше полетели.

Видят, на опушке, возле леса из-под камушка беленькое перышко торчит. Рядом с ним шелкун-жук сидит.

— Дай нам, шелкун, перышко, мы письмо напишем! — попросили его божьи коровки.

Но что это за странное перышко? Все перышки легки, как перышки, а это такое тяжелое, что даже жук-шелкун никак, ну, просто никак его вытащить не может. Ташил-ташил, все помял, но так с места и не сдвинул.

Кто же это там притулился во мху под измятым перышком? Кто прячет от горячего солнышка свое лицо? Какое-то странное неизвестное существо!

Значит, это перышко вовсе не жуку принадлежит. Вот почему эта неизвестная козявка так в перо вцепилась, никак не отпускает.

— Ты зачем чужое перышко испортил? — напустилась на жука-шелкуна букашка Дашка.

— Потому что эта козявка — безобразная уродина, — отвечает жук-шелкун.

— Теперь ее солнечный удар хватит, и ты будешь виноват! — бранит его букашка Любашка.

— Так ей и надо, безобразной уродине! — повторяет жук-щелкун.

— Очень стыдно так поступать, ты должен это понимать! — выговаривает ему букашка Машка, а сама укрывает незнакомую козявку сухим листком.

Письма они вам не писали, потому что перышка не достали.

— Уродина! Уродина! Уродина! — прощелкал жук-щелкун и вдруг исчез, только его и видели!

А из-под листка послышался красивый нежный голосок:

— Спасибо, дружок! И еще раз спасибо! Может быть, вам самим нужен этот листок?

— Обойдемся! В другой раз письмо напишем и отошлем... Сейчас мы очень спешим, мы торопимся найти хатку под грибной шляпкой, — хором ответили букашки и все вместе полетели к лесу.

54/ Но там, кроме старого, уже знакомого нам мухомора, красного-прекрасного, злого и опасного, то-

го самого, у которого был отгрызан кусочек — не было ни одного гриба!

— Такой лес без грибов и во сне никто не видел, — сказала с грустью одна божья коровка.

— Просто сейчас темно и ничего не видно, — ответила ей другая.

— Уже смеркается, — согласилась третья.

Когда букашки выбрались из леса, была тьма-тьмущая.

— Как же нам в темноте искать жилье? . . . Ну, как . . . — всполошились первая и вторая.

— Надо сначала найти фонари, — ответила третья.

И вдруг в темноте засветилась желтая точка.

— Вот и домик, а в нем лампочка . . . — обрадовались букашки.

Но огонек вдруг стал передвигаться и к ним приближаться. Шажок вправо, два — влево.

— Передвигается! . . . Наверняка это избушка на курьих ножках! — запрыгали букашки.

Огонек все ближе, все ближе, вот уже совсем близко. И что же они увидели?

56/ — Я не просто огонек, я жучок-светлячок! —

сказал вдруг кто-то красивым нежным голоском.

— Как вы прекрасны, ваша светлость! Вы настоящая принцесса! — воскликнула одна из букашек. То ли Маша, то ли Даша, а может быть Наташа . . .

— Странно, что мы до сих пор вас не встречали!

— Хотя ваш прелестный голосок мы где-то слышали!

В это время на небо выплыл тонюсенький лунный серп.

— Я — та самая безобразная уродина, уродина, уродина, за которую вы заступились и листком укрыть не поленились. Вы мне помогли, когда светило солнышко, я вам помогу, когда светит луна!

Сонные букашки не стали возражать, но спросили на всякий случай:

— Не знаете ли вы, ваша ясность, где найти хоть какую-нибудь избушку?

Светлячок задумался:

— Насчет избушки не знаю, но неподалеку есть цветущий замок — Колокольчик.

— Ничего не поделаешь! Деваться нам некуда, придется довольствоваться замком! А как его най-

ти? Не видать ни зги, ни дороги, ни пути! . . . Не могли бы вы нам посветить, ваша светлость?

— Вам посветят мои друзья и подружки! — ответил жучок-светлячок.

И над лугом загорелось много-много огоньков. Светлячки выстроились в ряд и осветили букашкам дорогу к замку-Колокольчику.

Прилетели букашки и увидали три освещенных комнатки, каждая букашка влетела в свой колокольчик, и не успел ветерок качнуть домик разок-другой, как букашки уже спали.

Букашка, по имени Машка, проснулась, когда первый солнечный луч звякнул в колокольчик. А так, как утро вечера мудренее, то Машка увидела, что попали они не в замок, а в настоящую укрепленную крепость. И колокольчиков не три, а тринадцать, и растут они не из земли, а из скалы.

— Нет, я здесь не останусь, кто нынче живет в крепости? — сказала она и полетела к тимьяну.

Лежит букашка Машка на шелковистом тимьяновом коврике и нежится в лучах утреннего солнышка. И все-таки ей не по себе. Не может же она без дела валяться, когда вокруг идет-кипит работа.

Слева шмель со шмелихой что-то строят, справа осы что-то лепят.

— Коли я ничего полезного не сделаю, то хоть пойду с соседями поздороваюсь, — мелькнуло у Маши в голове.

— Доброе утро, шмели, что вы строите? — кричит она.

— Строим новую хатку, из медовых сотов, — отвечают они. И букашка Машка видит, как они кладут один коричневый кубик на другой.

„Может быть, я тоже построю себе летнюю избушку... Коврик у меня уже есть,“ подумала Маша.

— А что это у вас там белеет? — спросила она.

— Разрешение. Разве ты не знаешь, что без разрешения не возводится ни одно строение?

Повернулась букашка Машка направо:

— А вы, осы, тоже строите?

— Мы лепим дом изззз бумаги! — зазззвенели осы.

И хотя их дом не так уж низко, Маша видит: так оно и есть, осы лепят свой дом из газеты. Он у них круглый и свисает с ветки, как футбольный мяч.

„Я тоже построю себе хатку! Гвозд́ика прямо на лугу растет, вполне вместо гвóзди́ков сойдет.“

— У вас тоже разрешение есть? — спросила Маша.

— А как же? Без разрешения ни встать, ни сесть! Не то, что строить!

— Тогда и я пойду за разрешением, — решила божья коровка Маша и отправилась в жучиную канцелярию.

В канцелярии сидел чиновник-жук. Много ног — много рук. Одной рукой пишет разрешение, в другой печать держит, да еще назойливую муху отгоняет. А та вьется, в руки не дается, все норовит то на бумагу точку поставить, то на нос жуку сесть, то на щеку, то на ухо. Вот такая надоедливая муха!

Жук бумажку написал и печать прихлопнул. Но муха опять под руку влетела и бумажка на пол

полетела! Взвилась мушка к потолку, рассвирепевший жук за ней — и оба в окно умчались.

Букашка Машка подняла с полу бумажку и отправилась восвояси. И того не заметила, что из-за мушинной катавасии жук приклепнул печать вместо бумаги на стол!

Пришпилила букашка разрешение на белую березку и засучила рукава.

— Ну что, Маша, и ты хочешь дом строить? — кричат ей соседи слева.

— А как же, а как же! — отвечает она.

— А как ты будешь дом строить? — спрашивают соседи справа.

— Гвóздиками из гвозди́ки! — говорит Маша. Тут со всех сторон набегали жучки-паучки, букашки-таракашки, козявочки-малявочки. Помогать божьей коровке, букашке Машке. И даже муха-надоеда прилетела и опять на бумагу села.

— Это мне подходит! — закричал жук-чиновник, — сейчас я одним махом двух мух убиваю: и печать хлопну и муху-надоеду прихлопну!

Но мухе опять повезло! В тот самый момент, когда жук размахнулся, подул ветер, белая бумага взвилась вверх и печать припечаталась на белой березе.

Муха поскорее прочь умчалась, жук-чиновник вдогонку за ней...

Машины помощники ей помогают, одни рвут гвоздику, другие стены возводят.

Возвели одну стенку, за другую взялись, потом третью и, наконец, четвертую. Вот и готов домик для букашки, по имени Машка!

62/ Простенький домик, четыре угла, безо всякого

двора. Современный. Без окон, без дверей, зато, не выходя из комнаты, можно взмыть прямо в небо! Потому что дом без крыши. Прямо над головой светит солнышко! Нет ни одной вазочки, зато весь дом — цветок!

Шмели закончили свой медовый домик сразу же после божьей коровки. До чего же вкусная, до чего же сладкая получилась у них хатка! Вот поглядите, как она выглядит, просто загляденье!

Две стенки медовые, и крыша медовая, позади и впереди ни одной стенки нету, зато свежий /63

воздух может входить и выходить, когда захочет.

У ос возник вопрос: где еще взять кусок бумаги. Всю свою они уже на строительство израсходовали. И даже разрешение в ход пустили.

— Возьмите наше разрешение, мы свой дом построили! — сказали шмели.

— И мое! — предложила букашка Машка.

Осы поблагодарили и верхнюю часть разрешения отхватили. Осталась нижняя, там, где печать. Пожалуйста контролеры, можете прилетать! И контролеры прилетели.

— Где документ?

— Момент, момент!

— Ах, нету? Платите штраф!

Но осы показали жала, и контролеры убежали.

Остановились около медового домика. Хорош! Ничего не скажешь! Только вот опять вместо разрешения одна печать. Штраф! Вылезли из домика шмель со шмелихой, а у них жала пострашней, чем у ос! Так и решили вопрос. Жук-контролер поднял усы и удрал, не разбирая дороги! Поскорее прочь отсюда, куда цел!

Вдруг видит — еще один дом. Цветочный, из гвоздики.

— Эй, божья коровка, а где твои документы? Давай, давай! Времени не теряй! Ах, нет печати? Тогда не считается! Так у нас не полагается!

Тут прилетели осы, сдернули с березы бумагу, а под ней печать! Пришлось жуку-контролеру замолчать.

Побрел он по дороге, еле передвигает ноги. А шмель со шмелихой и оса с осихой вслед ему хохочут, ножками топочут.

А букашка, по имени Машка, вместе с ними.

Радио без антенны

Букашка Машка проснулась рано-ранехонько, а на лужку, неподалеку от ее домика уже вовсю играл смычковый квинтет.

Сверчки-двойняшки скинули рубашки и взялись за скрипки. Один за первую, второй за вторую. Они играли и в такт напевали:

— Мы на скрипочках играем,
славно песенки поем,
как двойняшкам подобает,
мы всегда, всегда вдвоем . . .

И доктор шмель тоже играл вместе с ними. Он играл на виоле и тоже пел:

— А я шмель — на виоле,
просыпайся чисто-поле . . .

И доктор шершень, конечно, музицировал вместе с друзьями. У него была такая песенка:

— Виолон-чеель, виооо-лончель,
с тобой возиться канитель,
но я теебя люю-блую, люю-блую,
с друзьями вместе я поююю!

А майский жук, обхватив всеми лапками контра-
бас, низким голосом подпевал:

— Контрабас, контрабас!
У тебя прекрасный бас . . .

— Какая замечательная музыка! — воскликнула
божья коровка Маша, — я вас с утра до вечера
готова слушать, а потом — с вечера до утра.
И сегодня и вчера . . . И завтра тоже . . . Но где же
цимбалист? Без него оркестр не так звучит!

— Наш паук-крестовик торопиться не привык!
— ответили хором сверчки и стали укладывать свои
смычки.

Маша наша удивилась.

— Вы обиделись? А я хотела у вас спросить, где
та гусеница, которая играла на гармошке?

— С тех пор, как гусеница превратилась в бабочку- /67

ку, она только порхает, а на гармошке больше не играет. Никогда! — ответили доктора шмель и шершень и тоже заторопились.

Маша удивилась еще больше, куда это они собрались?

— Вы, наверное, все на меня обиделись . . . — печально сказала она.

— Да нет! Что ты, Маша, мы просто очень спешим. Наш оркестр пригласили играть по радио.

Сказали — и улетели.

Загрустила божья коровка Маша. Что же это за лужок, если никто не жужжит, никто не пиликает и не пищит!

И тут раздался такой скрипучий, такой хриплый, такой сиплый голос:

— Ктоо куу-пит! Ктооо возьмет? Дешшшево отдаюую, лишшнего не воззззму!

— А что ты продаешь? — спросила Маша.

Продавец скинул с ног старые, стоптанные башмаки и отвечает?

— Башшмаки без шшнурков. Оччень удобно, не надо шшнуровать.

— Вот еще! Очень надо покупать башмаки без шнурков! — хмыкнула божья коровка Маша.

Но жука-коробейника — а это был он — неудача не смутила. Достал он из-за уха обгрызанный карандаш и говорит:

— Тогда купи карандашш безз грифеля . . .

— Вот еще! К чему мне покупать карандаш без грифеля! — опять хмыкнула Маша.

Но жук-коробейник скинул со спины поломанное радио и говорит:

— Ну, тогда купи хотя бы радио без . . .

— Без чего? — перебила его божья коровка Маша.

— Неудачный нынче день, — решил жук-коробейник, — ничего, ну решительно ничего не продается! Эдак я ничего не выручу и в трубу вылечу!

И он начал крутиться-вертеться и выдумывать:

— Мое радио без . . . без . . . без всего . . . Самая лучшая фирма „БЕЗ“. Всяк, кто по свету летает, знает, что самое лучшее радио — марки „БЕЗ . . .“!

И тогда божья коровка Маша решила, что в ее новом домике из гвоздики хоть какая-то мебель обязательно должна быть. Значит, радио „БЕЗ“ надо купить.

— Покупаю! — заявила она решительно и высыпала жуку в лапку целую пригоршню яблочных семечек. Тот сунул их в карман и был таков. Только его и видели.

А Маша притащила радио „БЕЗ“ домой, села и стала настраивать. То одну ручку повернет, то другую: радио „БЕЗ“ молчит, ни звука.

— Почему оно молчит, — хнычет Маша. — Ничего не говорит?

А вокруг ее дома уже жучки-долгоносики сидят, свои длинные носы в радиоприемник суют, головами качают:

— Радио „БЕЗ“ никогда не играет. Там же внутри ничего нет. Одна коробочка. Вот мы купили радио без антенны! Ах, как оно прекрасно играет!

— Меня обманули, надули! Провели! — плачет божья коровка Маша.

— Не плачь, не реви, — говорят жуки, мы тебе поможем. Лучше скажи, куда полетел тот обманщик?

— Туда!

Жуки в траве рыщут, горе-купца ищут. Видят — улитка ползет.

— Здравствуй, улитка, — сказали жуки.

— Охо-хо! — ответила улитка, вместо того, чтобы сказать „привет!“.

— Что с тобой, старушка, ты почему охаеть?

— Как же мне не охать, у меня сегодня день рождения, а все про меня забыли! В прошлом году, когда я еще молоденькой была, каких только мне подарков не надарили: и письмо с объяснением в любви и открытку с картинкой и телеграмму в стихах! А нынче — увы! Никому я, бедная, не нужна!

Растерялись долгоносики, опустили носики и сказали:

— Мы тебе, улиточка, желаем здоровья, не обижайся, что мы без подарка.

— Нет, с подарком! — едва удерживаясь на ногах под тяжелой ношей, сказала букашка Машка и поставила перед улиткой огромный радиоприемник. Еще немножко, и не удержалась бы Маша на ножках, она бы упала и радио сломала!

— Привет! — ужаснулись долгоносики и задрали кверху носики. Зачем улитке радио без антенны?

Маша покраснела, не знает, что сказать. Но что это? Улитка оживилась, словно до нее кто-то дотронулся волшебной палочкой.

72/ — А что это? — высунула она рожки. — Такой

антенны нет ни у кого на свете! Глядите, хочу уберу, хочу выпущу! Она шелкнула пальцами: Рраз, два, трии! Радио — говори!

И радио сказало:

— А сейчас, милые радиослушатели, а сейчас вам сыграют контрабас, скрипка, алыт, виолончель и, наверное, свирель . . .

И тут все услышали знакомую песенку! Казалось, будто она звучит вовсе не из радиоприемника, а откуда-то из зеленой травы:

— Мы на скрипочках играем,
славно песенки поем,
как двойняшкам подобает,
мы всегда, всегда вдвоем . . .

А я шмель — на виоле —
просыпайся чисто-поле . . .

Виолончель, виолончель,
с тобой возиться канитель,
но я тебя люблю, люблю,
с друзьями вместе я пою!
Контрабас, контрабас,
у тебя прекрасный бас.

Мы играем, мы играем
и улитку поздравляем:
динь-дилень, динь-дилень,
до чего ж веселый день!

А потом радио сказало:

— Поздравляем улитку с днем рождения и желаем ей торопиться помедленней!

Улитка от радости сама не своя. Всех благодарит. Из домика вылезла. И вдруг вспомнила, что и она когда-то в молодости отлично играла на большущей трубе-геликоне. Что, если тряхнуть стариной? Сняла она со спины домик, надула щеки, да как затрубит:

— А я, улитка — на трубе,
до-си, ля-соль, и до-ми-ре!

Она играла с таким мастерством, будто сидела не в зеленой траве, а в радиостудии.

Вот как прекрасно прошел день рождения улитки. Что из того, что не было ни письма, ни телеграммы, ни открытки! Разве добрые пожелания

жуков, радиоприемник от божьей коровки и веселая песенка из радиоприемника без антенны хуже?

Сею, вею, вею, вью, белую муку мелю

Живет-поживает наша божья коровка Маша в своем цветочном домике и забот не знает.

Ветер приносил на лужок и сеял то одно семячко, то другое и вскоре лужок превратился в большой цветущий сад, без заборов и оград.

Из семячек выросли разные травки, цветы и даже колоски. Благодать!

А в это время на старой мельнице бедствует и едва зарабатывает себе на хлеб жук Кузька. Мельница совсем развалилась. Колесо остановилось, муки нет, нет и хлеба.

Обшарил Кузька все сусеки, все углы и наскреб одну маленькую щёпотку мучицы. Высыпал в свою дырявую шляпу. Хотел просеять. И чтобы не заплакать — запел:

— Сею, вею, вею, вью,
мучку белую мелю,
намолол, просеял,
рук я не жалею,

шляпа вместо решета,
и беда мне не беда!

Но бывает же такое! Сквозь дырявую стенку ворвался ветер и унес последнюю горсточку муки! Побелел жук Кузька, стал белее муки, которой нет и горестно вздохнул.

— Без муки мне му́ка. Вот такая штука!

А потом вытер белые ручки белым фартуком и решительно заявил:

— Ухожу навсегда! Мне беда, не беда. Мельница пускай остается, а мне работа везде найдется.

И пошел, куда глаза глядят, куда ноги несут. Идет-идет — по дороге встречается ему домик букашки Машки.

Сама Маша вокруг домика летает, гвоздику поливает.

— Здравствуй, здравствуй, Кузька, куда собрался? — спрашивает она.

— Иду по белу-свету, работы искать, не с голоду же мне пропадать! — отвечает хлебный жук.

— По белу свету? Да ты что? — отговаривает его божья коровка Маша.

— А что мне делать, коли нечего делать? — говорит жук Кузька.

— Никуда не ходи, ничего не ищи, оставайся с нами, что-нибудь придумаем! А пока прошу пожаловать в мой дом!

Жук Кузька с любопытством разглядывает дом без крыши и сад без ограды.

Ну, нет, Кузьке такое жилье не годится. Разве можно жить без крыши? Эдак вся мука промокнет, до последней порошинки, да и ветер тут гуляет, как хочет... Надо поискать что-нибудь более подходящее.

Перебрался жук на капусту. А на капустном листе сидит тетушка гусеница, и все время жует, жует, жует, не закрывает рот.

— Ну, как тебе нравится, мой дом? — спрашивает она с набитым ртом.

— Это называется дом? — засомневался Кузька.

— Ах, ах, сейчас это просто дом, но потом мы с ним вместе подрастем и он станет домом, дворцом, замком! Называй, как хочешь! Ты знаешь, сколько у нас стен?

78/ — Сколько?

— С каждым днем становится все больше. Сегодня их десять! Нет, кажется, одиннадцать. Я слышу, как они растут.

Кузьке дом тетушки-гусеницы понравился.

— Такой мне подойдет! В такой ветер не пройдет! Я себе тоже кочан найду!

Но, увы, напрасно он искал, ветер принес сюда только одно капустное зернышко и вырос только один кочан.

И все-таки хлебный жук Кузька нашел себе домик, похожий на кочан. Он влез в луковку. Влезть-то влез, но недолго там оставался. Вылетел стрелой и ужасно расчихался.

— Лук для здоровья очень полезен, лечит лук от всех болезней, — сказала божья коровка Маша и от осинога домика, где уже полила садочек, перелетела к шмелиному.

А жук Кузька, тем временем, увидел морковку-коротель. Сама в земле, коса на улице.

Но из земли вылезла жужелица и заявила:

— Мой домик — морковка, короткий, но сладкий значит у меня с жильем все в полном порядке.

Но напрасно Кузька и для себя такую же слад-

кую морковку искал. Ветер принес на лужок только одно морковное семячко и потому выросла только одна морковка.

Влез было наш Кузька в стручок красного перца. Да не тут-то было, сразу выскочил из стручка, как ошпаренный.

— Это что же за дом? И во рту, и в носу жжет огнем! — плачет он.

— Стручковый перец очень полезен для здоровья, — утешает его божья коровка Маша.

Но какое уж тут утешенье, щиплет и щиплет, просто нет терпенья!

И тут вылезает из-под земли картофельный жук а давай хвалить свой дом: и уютный-то, и тихий-то, и сытно-то в нем!

Но хлебный жук Кузька больше ни о каком доме слышать не хочет.

Поглядел Кузька вправо, поглядел влево — увидел лопух.

— Буду жить, как Машка, наша милая букашка! У ее домика — стенки из гвоздики, а у меня будет крыша из лопуха! — объявил он и кинулся помогать божьей коровке.

Стали они вместе соседские сады поливать: Маша лейкой, Кузька шляпой.

Вдруг загремел гром, и налетел вихрь. Закружил Кузьку, завертел, да ка-ак грохнет обо что-то. Крыша твердая, стенка тонкая. Пролетел Кузька сквозь это что-то, как сквозь бумагу.

— Куда это меня занесло? Здесь и мягко и светло . . . — удивился он.

А когда огляделся, понял, что это маковая головка! Ну и дом! И красив, и высок, и маку в нем — ешь не хочу!

Набрал Кузька полную шляпу маковых зернышек, стал просеивать, а сам песенку запел:

— Сею, вею, вею, вью,
мукú черную мелю.
Шляпа вместо решета
и беда мне не беда!

А по маковой головке с шумом бьет дождь.

Но вот дождь уgomонился: шел, шел, прошел и ушел. Вышло солнышко опять, стало землю пригревать.

А жук Кузька беспокоится: как там его подружка, божья коровка Машка? Наверное, промокла в своем домике без крыши?

Высунул голову из маковой головки, видит- из тюльпана букашка Машка вылезает. Красное платьице на солнышке блестит-сверкает, оно воду не пропускает.

— Привет, Машенька! — закричал Кузька радостно и кинулся к ней на цветок со всех своих жучиных ног.

Лентяй-лежебока

— Мы должны вернуть ветерку долг! Ведь он давал нам семена! — сказала своим друзьям букашка Машка и, выбрав безветренный день, они вместе с жуком Кузькой принялись собирать зрелые цветочные семена.

Божья коровка сверху собирает, жук внизу шляпу подставляет, потом просеивает и в мох сажает. И так это у него нескладно получается, будто он летом на санях катается! Помощник ему нужен, так нужен, просто необходим!

Увидал он на сосне соснового жучка-красавчика — синий кафтан, восемь белых точек! и крикнул ему:

— Эге-гей, спускайся скорей! Есть работа до седьмого пота!

Но красавчик поглядел свысока и отвечает презрительно:

— Чтобы такой исключительный красавец, как я, шел тебе помогать? Неужели и тебе не понять, что это занятие не для меня?! — сказал и улетел. /83

Опустился он на липу, а на липе жил красавчик липовый. Он сидел дома, потому что разорвал свою красивую, золотистокраснозеленую рубашку, когда собирал липовый цвет.

Вы, наверное, думаете, он сердится и бранится? Нет, он радуется! Знает, что рубашку починит и станет она опять красивой.

И вдруг красавчик липовый бросил работу и удивленно спросил:

— Отчего так темно? Или солнце зашло?

Но взгляделся получше и видит, кто-то сидит у его дверей.

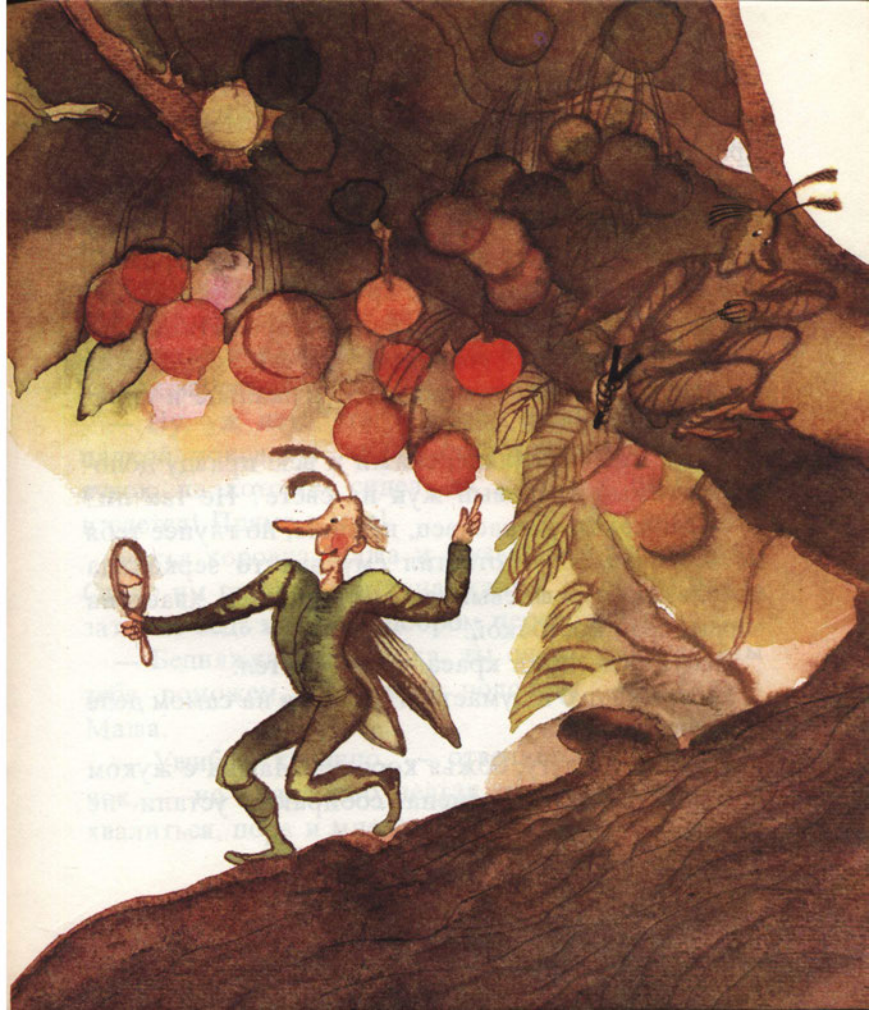
А в это время сосновый красавчик слазил в свой мешок и достал зеркальце:

— Ты мне, зеркальце, скажи и все правду доложи: ведь это я самый красивый жук на свете, не так ли?

— Ты, конечно, жук, хорош, но хвастунам цена — грош! — отвечает ему вместо зеркала красавчик липовый.

Он в это время свою рубашку зашивал и попал иглой в жука-хвастунишку.

84/ Тот вылетел пробкой из чужого дома и помчался

через луг, на голое поле. И того не видит, что на то же самое поле налетела буря с градом. Ну же, красавчику, и досталось! Хорошо еще, что он успел спрятаться на черешне, а то бы от него ничего не осталось.

А в кроне черешни, среди зрелой черешни, с давних времен царствует красавчик черешневый. Черешня ягода приятная, сладкая, ароматная.

Не успел наш сосновый жучок от дождя отряхнуться, а уже достает свое зеркальце и спрашивает:

— Ты мне, зеркальце, скажи и всю правду доложи: я самый красивый жук на свете? Не так ли?

— Может ты и красавец, не знаю, но глупее тебя не встречал... — ответил ему вместо зеркальца красавчик черешневый и выстрелил в хвостуна черешневой косточкой.

Испугался синий красавчик и улетел.

Уселся на дуб и думает: „Нужели я на самом деле такой глупый?“

А внизу, на лугу, божья коровка Машка с жуком Кузькой трудятся, семена собирают, устали не знают.

На дубу наш раскрасавчик опять зеркальце достает и вопрос задает:

— Ты мне, зеркальце, скажи и всю правду доложи — я самый красивый жук на свете? Не так ли?

— Ты лентяй и безобразник, у тебя что ни день, то праздник, — ответил ему вместо зеркальца красавчик шеститочечный и вылез из дубовой листвы, где обрезал сухие веточки.

Обозлился наш раскрасавец на весь белый свет, да как заорет:

— Ну, уж нет! Этого я тебе не прошу, сейчас палкой поколочу! — Он стал отламывать сухой сучок, на котором сидел, да вместе с ним вниз и слетел! Прямо в мох!

Божья коровка Маша и Кузька все это видели. Стало им глупого хвастуна жалко. Надо бы наказать, но ведь можно и добром перевоспитать:

— Бедняжка, бедолажка, ты очень ушибся? Мы тебе поможем, примочки положим, — сказала Маша.

— Ушибся, конечно, — отвечает сосновый жучок, — но понял, что нельзя только лениться, да хвалиться, пора и мне начинать трудиться!

Тут они все втроем взялись за дело. И дело закипело. Пошло-поехало. КАК ЗИМОЙ НА САНЯХ! Не прошло и пяти минут, а ветер тут как тут. Но у наших козявок для него уже целый мешок семян готов!

Навозный жук

Ветер не остался в долгу. И принес жучкам семечко подсолнуха.

Букашка Машка, жук Кузька и раскрасавчик-синяя рубашка семечко в землю посадили, и свежей водой полили. А когда оно взошло, стали ухаживать за молодым подсолнушком, как за маленьким ребенком.

А жук-навозник в это время окончил специальную школу, где его обучали удобрять землю и помогать растениям. Вот он идет и тачку с удобрением везет, в тачку вилы воткнуты. Ищет работу. Хоть в саду, хоть в огороде, помогать родной природе.

Оглядывается вокруг. Нигде никого. Прислушивается и вдруг слышит разговор и видит: букашка Машка, жук Кузька и раскрасавчик-синяя рубашка около слабенькой былинки стоят и печально говорят:

— Уж мы его поливали, уж мы за ним ухаживали, а он все не растет и не растет!

— Наверное, ему у нас не нравится, — говорит раскрасавчик.

— Наверное, мы не знаем, что надо делать, мы ведь только четыре класса окончили — рассуждает жук Кузька.

— Нам бы сюда какого-нибудь ученого жука, или умного паука! — говорит божья коровка Маша.

Навозный жук сидит за кустом, за ухом чешет. Сомневается, как ему быть: „Надо бы подсобить, — думает он, — но коли я скажу, что я простой навозный жук, а не доктор наук, они со мной и разговаривать не станут!“

Спрятал он тачку в кустах, почистил костюмчик, отряхнул лапку и легким шагом направился к саду без ограды. Поклонился в пояс и закричал во весь голос:

— Всем низкий поклон! Приветствую тебя, букашенька Машенька! Здравствуйте, жучки! Я... Я... Я нав... Я навсегда к вам приехал, я — доктор луговых наук. Лечу растения без промедления. Охотно приму докторское место в саду или в огороде.

— Ты нам просто необходим! — отвечает божья коровка Маша. Мы уже который день не едим, не пьем, у нас подсолнушек заболел!

— Поскорее вылечи бедняжку! — просят жуки и букашка.

А навозный жук опять за ухом чешет:

— Нет, друзья, сейчас не хочу, я только ночью больных лечу! Чтобы мне никто не мешал. Никто не ходил и под руку не говорил!

— Если это поможет нашему крошке, можешь лечить, хоть в полночь, — согласилась Маша.

Солнце закатилось за темный лес, ночь раскинула над лугами свой звездный плащ. Все спят. Лишь навозный жук — тук, тук, тук, топочет, хлопочет, свою тачку из кустов выволакивает и к подсолнушку тащит. Вот он набрал на вилы удобрения и взялся за дело . . .

Когда рано-поутру солнышко выкатилось из-за леса, подсолнух было не узнать! Стал он крепенький и ввысь потянулся.

— Поздравляем, пан доктор, и благодарим! Вы — замечательный врач-исцелитель, лесного народа хранитель! — закричали тут жуки, таракашки, /91

пауки и преподнесли доктору букет красных маков, волчьих.

Но доктор луговых наук, навозный жук, как только увидел эти цветы, сразу свалился на землю, и лапки вверх задрал!

Испуганные жучки тормозят его, водой поливают, с земли поднимают. Кое-как подняли!

— Что с вами, милый доктор?

— Извините, но я абсолютно не выношу красных маков. Да еще волчьих! — извинился тот.

Снова наступила ночь. Навозный жук опять вытащил свою тачку из кустов...

Утром божья коровка Маша от удивленья рот раскрыла, да так и не закрыла: подсолнух такой высокий — высокий вымахал, что приходится голову задирать, чтобы его желтую макушку увидеть.

— Ах, доктор, я вас хочу поблагодарить и белую розочку вам подарить, — сказала она и протянула ему прекрасный душистый цветок.

Навозный жук с радостью принял подарок, протянул лапку, но укололся об острый шип! До крови.

92/ Вы же знаете, что нет розы без шипов! Опять лежит

наш доктор вверх лапками, не видит, не дышит, ничего не слышит.

Божья коровка Маша его трясет, поднимает — не помогает. Лежит доктор и молчит. Тогда она схватила свою лейку, облила его водой и он сразу вскочил на ножки.

— Ах, извини меня, Маша, но я абсолютно не выношу вида крови, красной, как волчий мак! —

сказал навозный жук печально. — Я упал нечаянно!

Этой ночью никто не спал, ни букашка, по имени Машка, ни жучки-паучки. Их мучило любопытство:

— Что это за доктор такой чудной?

— Какое лекарство он дает подсолнуху? Ведь тот своим ростом скоро обгонит сосну!

И вдруг в кустах что-то зашуршало.

— Тихо, доктор идет!

— И что-то везет!

Притихли букашки-козявки и спрятались в травке.

— Ах, ах! Это же простая тачка! — протянул Кузька.

— И вовсе не лекарство, а простой навоз! — зашипел раскрасавчик и заткнул нос.

— Сейчас мы ему зададим трепку! — закричали козявки и хотели уже накинуться на доктора, но тут выглянуло солнце и навозный жук поспешно покатил свою тачку к кустам. Божья коровка Машка, раскрасавчик и Кузька преградили ему дорогу и строго сказали:

94/ — Ну, доктор, рассказывай, аттестат показывай!

А доктор опустил голову и ответил:

— Никакой я не врач, и не доктор наук, я обыкновенный, навозный жук!

Солнце вышло. Подсолнух расцвел. Божья коровка восхищается:

— Такая красота, а ты своей работы стесняешься, от нас скрываешься! Нехорошо!

— Я боялся, что вы меня к себе не возьмете! — извиняется навозный жук.

— Что он заслужил за такое поведение? — спрашивает раскрасавчик.

— Что мы ему за это сделаем? — спрашивает Кузька.

Божья коровка выслушала обоих и вынесла решение:

— ОТБЛАГОДАРИМ! Сварим варенье и устроим чаепитие под березой, под ольхой, я да ты, да мы с тобой!

И устроили, расселись вокруг полсолнуха, вокруг его золотой головки и вместе с ним стали медленно кружить вслед за солнышком.

Земляничный телефон

У букашки Машки в последнее время столько всяких дел, что просто минутки нет, чтобы ответить подружкам на письма.

И жучки-паучки от товарищей письма получили и тоже еще не ответили.

— Я бы ответил, — говорит жук Кузька, — да у меня чернила высохли.

— И я бы написал, — говорит навозный жук, — да только у меня карандаш куда-то исчез, наверное, потерял, когда ходил в лес.

— А я пишу не слева направо, а снизу вверх, — оправдывается раскрасавчик и потому очень устаю и сам не разберу, что пишу . . .

— Мы на все письма ответим по телефону! — решила вдруг божья коровка Маша.

— Но у нас нет телефона! — возразили жучки.

— А мы его вырастим!

— Это как же? И какой?

— Земляничный, — отвечает Маша и тащит

96/ земляничный корешок.

Посадили они корешок неподалеку от гвоздичного домика. Удобрениями накормили, водой напоили.

Стоят наши друзья и на пальцах считают, кому позвонят по земляничному телефону, когда телефон вырастет.

— А когда он будет, он меня не разбудит? — высунул голову из земли обеспокоенный жук-медведка или, как его еще зовут — кротоножка.

— Не будет, не будет, а если и разбудит, тебя не убудет, — успокоили его жучки.

— Если так, звоните, пожалуйста. Я ведь пока не жалуюсь! — ответил жук-медведка и опять зарылся в землю.

А земляничный телефон растет, не по дням, а по часам.

Сначала вылез зеленый листик, потом усик, длинный, как лягушкин прыжок, и прямой, как стрела. Усик пустил корешок, из корешка — зеленый листик, из листика — усик, усик пустил корешок, из корешка листик... Уф! и опять, и опять листик-корешок — усик... Всех не сосчитать.

Пока жучки мастерили и прилаживали к первой земляничке телефонный аппарат, земляничные провода уже добрались до середины земного шара и остановились только на телефонной станции.

Телефон зазвонил неподалеку от Машиного домика, и теперь звонит-трезвонит с утра до вечера и с вечера до утра, каждую минуту кто-то кого-то зовет.

— Алло! У вас земляника зацвела? — звонят из-за леса, из-за гор.

Наши жучки отвечают:

— Да, да! — и у нас — да, да, да!

Прошло столько времени, сколько полагается и на землянике зазеленела ягодка-земляничка. Жучки бегают от кустика к кусту, ищут первую зрелую ягоду. Нашли. И опять звонит телефон...

— Алле, алле, у вас ягоды поспели? — звонят из-за пруда, где запруда.

— Еще не очень, — отвечает букашка Машка. Только трубку положила и ручки сложила, примчались жучки с радостной новостью.

— Одна уже созрела, созрела, покраснела! Со всем как ты стала! — кричат они на всю поляну. Не

выдержала Маша, вместе с ними полетела смотреть на земляничку.

Беспокойный жук-медведка высунул голову из земли:

— Сколько крику из-за одной земляники!

А телефон звонит-заливается. Что же это получается?

— Чтоб вас гром разразил! Эдак я оглохну! — жук-медведка подпрыгнул от злости, да как стукнется головой об твердую, зеленую ягоду!

Он споткнулся, перевернулся и зарылся носом в землю.

А телефон звонит и звонит, заливаётся. Наверное, еще где-нибудь земляника-ягода наливается.

Не выдержал жук-медведка, схватил острый черепок и вжжик! — перерезал проводок. Телефон онемел. А жук зарыл черепок глубоко в землю и с победной улыбкой уселся на разрезанный ус.

Тут из земли вылезла его заплаканная жена:

— Ой-ой-ой! — плачет она. — Какой-то безобразник, невоспитанный проказник, продырявил мне ушко острым черепком!

Жук-медведка так и замер на месте, стоит, словно аршин проглотил.

— Скорее скорую помощь вызывай! Ай-ай-ай! — заливаётся слезами жена.

А жук-медведка как стоял, так и стоит, с места сдвинуться не может.

— Что с тобой? Ты оглох? Ох-ох-ох-ох! Зови скорее врача или хотя бы букашку Машку! Ведь

теперь у нас есть телефон. Ты что стоишь, как телефонный столб?

Видит бедняжка, что муж ни с места, тогда она сама схватила телефонную трубку.

— Аллё, аллё, — кричит, но телефон молчит — не отвечает.

Ведь вы знаете, что медведка перерезал провода! Вот такая случилась беда! Да!

А у букашки Машки, нашей доброй божьей коровки, вдруг совершенно неожиданно зазвенело в ушке! Такое с каждым может случиться. И тут она вспомнила, что забыла про свой прекрасный земляничный телефон и помчалась к нему так быстро, как только могла.

Помчалась и примчалась. Видит — телефон стоит на месте, а рядом с телефоном стоит и плачет раскрасавица — жена жука-медведки или, как его еще зовут кротоножки. А из уха у нее торчит острый осколок. Маша не раздумывая вытащила осколок и проколола ей второе ушко!

Несчастный жук-медведка сознался, что это он, это он сломал земляничный телефон! И, конечно, сейчас же, немедленно, мгновенно его исправит. /101

А чтобы милая женушка не сердилась и не дулась,
он вдел ей в ушки новые сережки!

И телефон опять зазвонил!

Букашка Машка подняла трубку, поднесла
к своему ушку без сережки и говорит:

— Аллё, аллё!

— Скажите, у вас земляничка созрела?

— Да, да! Не ждите, бегите, ползите, летите!
Скорее к нам в гости идите!

Летний домик, конечно, красивый и уютный, но у букашки Машки хлопот с ним полон рот. То дождь зальет, ведь крыши-то нет, то пылью занесет.

— Придется купить пылесос! — решила Маша и полетела в ближнюю деревню под названием „Жучки-паучки“, в лавку.

Пылесосов было сколько хочешь. Всяких: и больших, и маленьких, и дорогих, и дешевых, и электрических и неэлектрических . . .

Маша решила купить такой, чтобы работал от батарейки.

Купила и полетела обратно. А на улице у своих домов стоят в ряд дамы-жучихи и друг другу жалуются, что печки у них совсем плохие стали: у одной духовка не печет, у другой картошка не варится, у третьей мясо не жарится.

— Потому печки дымят, что трубы дым не тянут! — решили они.

— Трубы дым не тянут, потому что черностенка, черный жук-трубочист, трубы не чистит!

— Улетел куда-то!

— И пропал!

— Может быть, никогда не вернется!

Слышит все это Маша и думает: „Значит, не только у меня по дому хлопоты.“

Взлетела она выше крыши, в одной руке пылесос держит, в другой — щетку. Опустила щетку в трубу, сажу вычистила. Труба дымить перестала. Ко второму дому подлетела, прочистила трубу. Теперь и эта не дымит. В ней весело огонь горит.

Так Маша все дома в деревне облетела, все трубы прочистила. Совсем, как заправский трубочист!

Остался последний дом и последняя труба. Возле дома девочка-козявочка в куклы играет и песню напевает. Поглядела на божью коровку Машу ясными желтыми глазами и сказала:

— И у меня тоже божьи коровки есть!

— Да что ты? А где?

— В косичках. Погляди! — и показывает Маше на свои заколки.

— Ты в этом домике живешь? — спрашивает Маша девочку-козявочку.

— Нет, здесь никто не живет. Видишь — двери заперты.

Дом пустой, а из трубы торчит дым, черный да густой.

— Какой-то дым чудной! Может и не дым вовсе! — сказала букашка Машка и включила пылесос.

И оказалась права — это был вовсе не дым. Из трубы торчали черные волосы! И Машка вытащила из трубы черного-пречерного, словно трубочист, жука-чернотелку. Все у него было черным — и белый халат, и белые штанишки, и белые перчатки! И даже лицо и ноги! Может он таким родился, а может плохо умылся? Кто его знает? Увидала его девочка-козявочка, закричала от страха и пустилась наутек.

— Отпусти меня, Маша, мне щекотно! — сказал жук, черный, как трубочист.

— Не отпущу, пока не ответишь, почему ты стыдишься своего честного ремесла? Ты же трубочист! А это очень нужная работа. Ведь всем в теплом доме жить охота!

— Я вовсе не стыжусь, — захныкал черный-пре-

черный жук. Но хныкал он намного тише, чем ревела перепуганная девочка-козявочка. Она так отчаянно орала, что Маше сразу ясно стало:

— Ага! Я поняла! Ты потому скрываешься, что тебя дети пугаются.

— Да-да, — печально кивнул головой черный, как трубочист, жук и заплакал черными слезами.

— Ну как им тебя не бояться?! Ты только погляди на себя! Ты же неумытый-неумывака! И к тому же задавака!

— Я не могу на себя поглядеть. Я сам себя пугаюсь, потому и не умываюсь.

Букашка Машка ничего не ответила, подхватила жука и, собрав последние силенки, полетела с ним к пруду и села на запруду.

Жук, черный, как трубочист, плюх в воду! И попал прямо на спину жуку-плавунцу. И что он увидел? На крыше — труба, кругом вода, из трубы дым не идет, а из окон-дверей валом валит. Пузырьки, пузырьки, пузырьки вверх поднимаются и лопаются. А плавунец около дома слезами заливается, и вода в пруду поднимаются.

106/ — Такой большой, а плачешь?

— Как же мне не плакать, — всхлипнул жук-плавунец, — если у меня в доме все не так! Все наоборот! Не оттуда дым идет!

Жук, черный, как трубочист, тут же разобрался, нырнул, вытащил из трубы большую рыбу и сразу все встало на свои места: дым повалил из трубы, а не из окон и дверей. Теперь пузырьки, пузырьки, пузырьки вверх поднимаются и наверху лопаются! А на самом большом пузырьке поднялся на поверхность сам черный жук! Был он чистый, умытый, но все равно черный. Значит, он от природы такой, сколько его не мой.

Подплыл черный жук к берегу, а божья коровка Маша ему говорит:

— Отдам-ка я тебе свой пылесос. Я как-нибудь обойдусь. Веником обзаведусь! А ты летай над крышами и чисти трубы. И сам чистым останешься и доброе дело сделаешь!

Теперь девочки-козявочки черного, как трубочист, жука не боятся. Бегают по улицам, играют, веселятся.

А как же наша Маша? И она у себя дома чистоту наводит, пыль веничком выводит, травяной ковер водой поливает. Все довольны. Всем хорошо! Вот как!

Мода этого года

Вода творит чудеса. Ковер у букашки Машки порос и все углы в доме закрыл.

Радовалась Маша. Но недолго. Вдруг на зеленом ковре она увидела белый лист бумаги!

— Если дом без крыши, значит, можно и мусор бросать? Хорошо бы узнать, кто так поступает, на мой чистый коврик мусор бросает? — возмутилась божья коровка Маша.

Стала она бумагу разглядывать. Видит листок гармошкой сложен. Растянула гармошку. Сначала немножко. Потом до конца. И на листке обнаружила буквы. Прочла букашка Машка букву за буквой, и вот что получилось:

СЕГОДНЯ!
НА ЛУГУ ЗЕЛЕНОМ!
ГДЕ РАСТУТ
ПЯТЬ КЛЕНОВ,
МЫ ПОКАЖЕМ МОДЫ
НЫНЕШНЕГО ГОДА!

Букашка Машка быстро поднялась в воздух и полетела искать того, кто принес ей это любезное приглашение. Она хотела сказать спасибо. И узнала, что его принесла бабочка-капустница. Та самая, что недавно еще была гусеницей. А теперь служит на почте и в хорошую погоду разносит приглашения, уведомления, театральные билеты, меню из буфетов и другие важные бумаги и бумажки.

Букашка Машка вернулась домой, еще раз прочла приглашение и решила: „Домик я прибрала, чистоту навела, можно и отдохнуть, на новые моды взглянуть. Других посмотреть и себя показать“.

И отправилась к пяти кленам. Идет по тропинке, еле ноги волочит, чуть не плачет. Потому что нашей Маше очень жмут ботинки. Видит в уголке, среди редкой травки сидит на табуретке жук-кравчик. И песенку поет, высокие ноты берет. Всем известно, что кравчик — сапожник.

— Помоги мне, пожалуйста. У меня ноги болят! — говорит ему божья коровка Маша. — Я иду смотреть моды. А до пяти кленов такие длинные переходы!

110/ — Вот так, так! Ну, что за дело! Раньше ты куда

смотрела? Придется тебе свои башмаки у меня оставить, а новые надеть! Надо загодя смотреть! — сказал кравчик.

И хотя говорил он сердито, но туфельки божьей коровке дал и денег не взял. Туфельки — загляденье. На высоком каблучке! Глядеть — загляденье, а ходить мученье.

Но Маша дальше идет. Семенит ножками по лесным дорожкам. Видит, под веткой зеленой, под листочком клена сидит паук-ткач. Полотна ткет. А рядом жук-портняжка, красная рубашка, платья шьет. Модные, до самых пят. Увидали букашку Машку и говорят:

— Ну-ка, Маша, старое платье снимай, новое надевай!

И подарили Маше новое платье. Модное! До пяток! Хочется божьей коровке на себя поглядеть. А зеркала нету. Нигде. Ни одного. Тут прискакала зеленая лягушка и шепнула букашке Машке на ушко:

— Садись ко мне на спинку, я тебя мигом домчу к озеру. Посмотришь на себя в его чистую гладь. Ты у нас просто картинка!

Села Маша на зеленую лягушку и они поскакали. Скок-поскок через лужок. Вот и озерцо — гладкое, как зеркальце. Маша смотрится, сама себе нравится: „Ах, какая я красавица!“ — И вдруг! Лягушка нырнула на пять метров в глубину, и божья коровка Маша вместе с ней! Что случилось, что случилось? Почему так получилось? Ах, да это аист всему виной! Стоит на одной ноге, длинным клювом поводит, лягушек на обед ловит.

Лягушка с Машей вынырнули посреди озера. Лягушка совсем сухая выплывает, а с нашей Маши вода течет. Туфли утонули, платье размокло. Стала Маша такой, как была, когда из дому вышла.

— Стрекозка-синие крылышки! Помоги мне вылезти! — кричит букашка Машка.

Стрекозка над Машей вьётся и спускает ей соломинку. Божья коровка по соломинке вверх поднялась, отряхнула с себя воду и дальше полетела. Ветерок ее обдувает, платье высыхает. Спасибо тебе стрекозка-синие крылышки!

Маша спланировала прямо на зеленый луг. Здесь, на лугу зеленом, где растут пять кленов, уже ходят-прогуливаются красавцы и красавицы.

Ждут, когда можно будет начать свои платья показывать.

А сбоку, за столом, сидят судьи и ждут, кого наградить за самое красивое платье.

Чтобы лучше все это видеть, божья коровка Маша взлетела на тополь и уселась на зеленый листок. Вдруг листок стал вертеться, крутиться и ворчать:

— Я вовсе не лист, я зеленая бабочка, первый судья! На мне сидеть нельзя!

Маша извинилась. Ниже опустилась. Села на сучок. А сучок стал вертеться, крутиться и проворчал:

— Я не сучок, я гусеница-пяденица! Я — второй судья. На мне сидеть нельзя!

Пришлось божьей коровке, чтоб от страха не свалиться, за тополиную кору уцепиться. Но кора вдруг зашевелилась и сказала:

— Я вовсе не кора, а лишайник, третий судья. На мне тоже сидеть нельзя! — и распахнул свои страшные, сверху серые, снизу красные крылья.

Букашка Машка лапки поджала и на лужайку без памяти упала. Когда Маша пришла в себя, все уже кончилось. Красавицы и красавцы, надувшись от обиды покидали лужок. А над божьей коровкой склонились три строгих судьи и сказали:

— Поздравляем, ты выиграла главный приз! Ах! Какой для всех сюрприз! Ты была самая красивая! Такая скромная, такая милая! — сказал первый судья.

— Зачем наряжаться. Надо стараться самой собой оставаться! — подхватил второй судья.

А третий повесил на шейку божьей коровке Маше медаль „Золотое солнышко“!

Вот какие были моды нынешнего года!

Ужасные драчуны

Наша божья коровка, букашка Машка возвращается с демонстрации мод.

Идет в новых туфлях, спотыкается, по дороге лужок ей встречается. Смотреть на этот лужок страшно: трава помята, затоптана! И только у ручья, на самом краю лужка стоит дубовый дом, перед домом молодая жучиха-рогачиха-раскрасавица. Рядом-два молодых жука-рогача. Стоят, как прикованные. Глаз с жучихи не сводят. Маша тоже остановилась и спросила:

— Кто это траву вытоптал?

— Это не мы, когда мы пришли, трава уже лежала! — отвечают молодые жуки.

А жучиха — прислонилась к стене своего дома и говорит:

— Трава потому лежит, что она спит!

— Сейчас? Белым днем? Она спит ночью! — не согласилась с ней Маша.

— Нет! Эта трава всегда спит днем.

Но букашка Машка жучихе-рогачихе не поверила и строго сказала:

— Трава спит стоя! А ты лучше по-честному признайся, здесь была драка! Всем известно — жук-рогач страшный забияка. Вы здесь ссорились и дрались, и по траве катались, пока всю ее не помяли и не потоптали!

Тут еще два жука-рогача появились. Большие, плечистые, на носу рога, как у носорога! Поглядели вокруг и ни с того, ни с сего, просто так, потому что были они озорники и задиры, задрали свои носы с рогами и принялись один другого задирать:

— Эта жучиха-рогачиха — моя невеста! — кричит один.

— Не сойти мне с этого места, — еще громче кричит другой — она моя невеста, я на ней женюсь, а тебя, рогача, отлуплю сгоряча, лучше меня не дразни!

— Что вы, что вы, жуки! — разнимает их Маша, — подайте друг другу руки! Не ссорьтесь, и не бранитесь, поскорее помиритесь!

Куда там! Жуки-рогачи скинули свадебные фраки, значит не миновать драки!

Схватились, сцепились, рогами зацепились, ногами землю роют! А жучиха-рогачиха и молодые жучки-рогачи в ладоши хлопают, ногами топают, подзадоривают:

— Поддай ему левой! Поддай ему правой!

Одной букашке Машке с ними не справиться. И пустилась она на хитрость:

— Эй, жуки-рогатые! Не надо драться, можно ведь и по другому состязаться! Вот вы свои фраки порвали в драке. Пускай жучиха-рогачиха их зашьет! — крикнула Маша.

Жуки остановились. К ее словам прислушались. И верно — решили они. Чем нам драться, по траве валяться, зеленую траву мять, лучше невесту испытать!

— Возьми-ка, барышня, иголку с ниткой, и зашей нашу одежду! А мы поглядим, какая ты умелая! — сказали забияки и прекратили драку.

— Вот еще! — фыркнула рогатая красавица. — Шить да штопать мне вовсе не нравится! Не для того я замуж хочу, чтобы пальчики колоть!

— Тогда выстирай наши рубашки. Мы дрались, и по траве катались, вот рубахи-то и зазеленили! — говорят жуки.

А красавица-невеста опять ни с места.

— Вот еще! — фыркнула она, — не для того я замуж собираюсь, чтоб стирать да полоскать! Еще ручки застужу! Я уж лучше посижу! Устала смотреть, как вы деретесь!

— Ну хорошо! — говорят женихи. — Шить не хочешь, стирать не можешь. Тогда обед свари и нас накорми!

— Ищите себе другую, — фыркает жучиха-рогачиха, — стряпать да варить не моя забота, пачкать ручки у плиты мне вовсе не охота!

Переглянулись жуки-женихи, потом подали друг другу руки и сказали:

— Из-за такой лентяйки и неряхи драться? По траве кататься? Ну, уж нет, поищи себе других женихов, а мы найдем себе подружек не ленивых, не строптивых, милых, вежливых, красивых, еще покрасивее тебя! — и полетели прочь.

— Видишь, — сказала жучихе-рогачихе букашка Машка. — Одной красоты мало. С таким скверным

нравом можно всех друзей растерять. Возьмись-ка ты за ум, жучиха-рогачиха. Живи скромно и тихо. Научись работать, а про драки и думать не смей.

А жуки-рогачи, тем временем повстречали других рогатых жучих. Очень милых и приветливых. Работящих и сметливых. Эти жучихи на все руки мастерицы: и шить и варить и красиво говорить. Стали они вчетвером дружить. А вскоре и свадьбу сыграли. Пели, ели и плясали. На дубовом пеньке, под высоким дубом. И букашка Машка на той свадьбе была, дубовый сок из желудёвой чашечки пила!

Почему букашка Машка так сердилась

В домике у божьей коровки Маши становилось все красивее. Ее цветочный ковер был, чем дальше, тем пушистей, и душистей. В каждой цветочной чашечке блестели медовые капельки.

Позвала Маша своих друзей — полосатых шмелей, пусть мед соберут. Шмели сразу прилетели.

Если вежливо зовут — мы тут, как тут, — сказали они.

Принялись шмели за работу. А букашка Машка сидит в уголке, на зеленом листке книжку читает. Так зачиталась, ничего вокруг не видит, не слышит. Никого не замечает:

Шмель ей в ухо жужжит:

— Отодвинься, немножко вправо!

Маша не слышит.

Шмелиха жужжит:

— Отойди немножко влево!

Маша не слышит.

Шмель опять:

— Влево!

Шмелиха:

— Вправо!

Маша услышала. Отодвинулась. Сначала влево, потом вправо. А они не отстают, то влево ее прогоняют, то вправо отодвигают. Читать мешают! Просто зло берет. Сами знаете, как это бывает, когда кто-то вам интересную книжку читать мешает!

Разозлилась Маша, поднялась и улетела. Села на травку, книжку в лапки, дальше читает. Страничку за страничкой перелистывает. Очень интересная книжка! Захватывающая.

А над ней шильце-букашка кружит. Скучно ей, делать нечего, вот она от безделья и не знает, кого своим шилом уколоть.

Маша слышит, как букашка жужжит, но внимания на нее не обращает. Дальше читает. Осталось ей последнюю страничку перевернуть. Вдруг на весь лес, на весь луг раздался громкий голос:

Говорит радиостанция

„Луговая“.

На опушке леса турнир

двух задир!

Все дела бросайте,
на турнир не опоздайте!

Маша книжку отложила, схватила увеличительное стекло и поспешила на турнир двух задир.

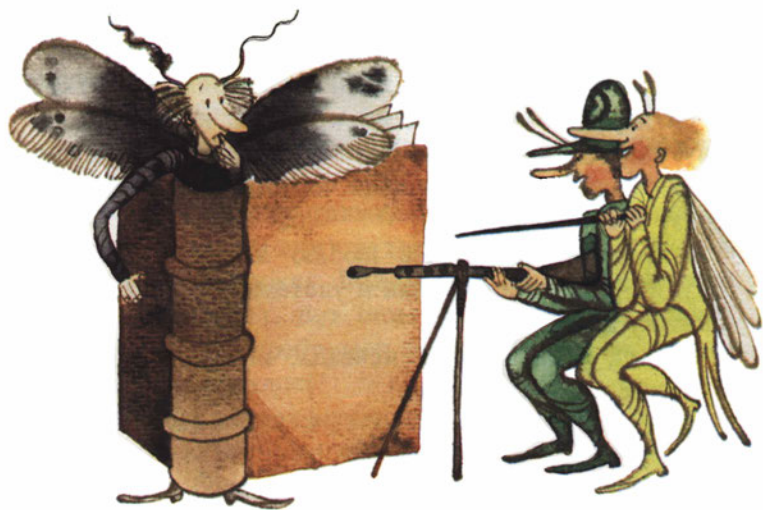
Когда божья коровка Маша прилетела и на опушку леса села, там уже собрались все, кто мог летать, прыгать или ползать.

— Давайте! Начинайте! — кричали они, окружив злую лесную колючку по имени чертополох.

Букашка Машка заняла место в первом ряду и турнир начался.

Высоко над чертополохом закачалась ветка клена. Там на листке зеленом стоял пузатый паук — восемь ног, восемь рук. Вот он снял пиджачок и повесил его на сучок. Потом скинул рубашку и положил рядом, потом стащил с себя майку, перевернулся-кувыркнулся и повис вниз головой. Стал опускаться ниже, еще ниже, к колючей чертополошине все ближе и ближе — и улегся на спинку на чертополошью щетинку!

124/ Солнце жарит вовсю, но публика дрожит и трясется. Не от холода, конечно, а от страха.

Минута! Еще минута — и паук взвился вверх!

— Еще! Еще! — закричала публика.

И Маша тоже закричала:

— Еще, еще — вместе со всеми.

Паук снова стал опускаться вниз и опять коснулся чертополошью щетинки. Но наша божья /125

коровка Маша не случайно взяла с собой увеличительное стекло. Посмотрела она внимательно и вот, что увидела: Два маленьких паучка стояли на ветке и на двух тонюсеньких, но крепких, как канаты, паутинках, спускали большого паука вниз. Спускать спускают, но коснуться чертополоха не дают, сразу вверх поднимают!

Фокусы и трюки! Не люблю я такие хитрые штуки! — подумала Маша и улетела обратно, свою книжку дочитывать.

Но! О, ужас! Книга исчезла, испарилась, как будто ее и не было вовсе!

Ее кто-то стащил!

Но кто?

Вот следы . . .

Но чьи?

Надо бежать следопыта искать. Но где?

Схватила наша Маша рупор и громко, громко закричала:

— Слушайте все! Помогите! Спешите ко мне на помощь! Такого еще не бывало, чтоб на нашем лугу у кого-нибудь вещь пропала!

126/ Но все, кто мог летать, прыгать и ползать сидели

на представлении и никто не слышал Машиного крика. Нет, кое-кто все-таки услышал и на помощь прибежал, а точнее прикатил. Это были два жучка-кругляшка.

— Мы здесь, Маша! Если сможем — поможем! — сказали они.

И два жучка-кругляшка покатались сначала по равнинке, потом вниз по тропинке, по следу злодея, стащившего книжку. Божья коровка Маша едва за ними поспевала. Вот они уже на крутом берегу. Через овраг переброшен мосточек, но от злодея и следа не осталось!

По мосту шагает жук-солдатик. На плече винтовку держит. Туда два шага и обратно два шага.

— Что будем делать? — спрашивают жучки-кругляшки.

— Спросим зеленого солдатика, может он знает, куда следы пропали? — предлагает Маша.

— Нет, нет, мы его боимся, вдруг он в нас случайно выстрелит, — прошептали жучки-кругляшки и, поджав ножки, покатались обратно по дорожке.

Осталась божья коровка Маша одна.

— Ну, уж я-то не испугаюсь солдата. Да еще зеленого новобранца! — решила про себя божья коровка Маша и стала искать потерянный след. Солдатик четким шагом подошел к букашке Машке и встал рядом.

— Зеленый солдатик, — говорит ему Маша, — скажи, пожалуйста, что ты здесь делаешь, если это, конечно, не военная тайна?

— Конечно, тайна! — отвечает зеленый солдатик, — но тебе я скажу, потому что ты мне с первого взгляда понравилась. Только дай слово, что ты никому никогда ничего не скажешь!

— Никому, ничего, никогда! Честное слово!

— Даже если заставят ходить вверх головой?

— Даже!

— Даже, если заставят ходить пятками назад?

— Даже!

— Ну тогда слушай: я учусь маршировать! — прошептал солдатик Маше на ухо.

Стали они вместе следы искать. Маша в свое увеличительное стекло посмотрела, видит — последний след на доске обрывается. Догадалась наша букашка Машка и доску перевернула. Нет, не

так: вере-пере-луна! Ах, опять не так: перевернула!
Вот теперь так.

— Да, перевернула, а на мостках следы.

— Ты зачем доску пере-ве-рнул? — кричит она солдатику.

— Потому что с той стороны она грязная, а с этой чистая! — отвечает он спокойно и вежливо.

— И вовсе это не грязь, а следы! — объясняет Маша.

Следы дальше ведут, по следам жук-солдатик с Машей идут.

На болоте следы оборвались, и Маша с солдатиком остановились. Видят болото водомерка мерит.

— Ты зачем воду меряешь? — строго спрашивает водомерку солдатик.

— Хочу все знать! — храбро отвечает та. Тут Маша вмешалась:

— Скажи мне, милая, здесь и вчера все было, как сегодня?

— Дааа! — удивилась водомерка.

— И берега? И вода?

— Дааа! — еще больше удивилась водомерка и от удивления даже остановилась.

— И та вон подушка тоже была?

— Подушки не было!

Букашка Машка приложила к глазам бинокль и видит: лежит в болоте толстая-претолстая лягушка-подушка. А на ней расселась книжная моль. Машину книжку читает. Лист за листом глотает! Еще немножко и останется одна обложка! Как быть?

Тут зеленый жук-солдатик схватил свое ружье, зарядил его маковым зернышком и выстрелил в лягушку-подушку! Она проснулась, перевернулась и поплыла к берегу. А на ней книжная моль сидит. Последнюю страничку дожевывает. Заплакала Маша:

— Как я теперь узнаю, чем дело кончилось?

А моль не стыдится ни капельки, отвечает:

— Не бросайте книжки на лугу, детишки! Мимо кто-нибудь пройдет, ваши книжки подберет! — А ты, букашечка Машечка, не плачь, я тебе из моей библиотеки новую книжку принесу. Я уже сыта, мне она не нужна. В той книжке все странички на месте, сядем в кружок и читаем все вместе!

130/ Наша Маша согласилась и плакать перестала.

Прощай, лето

Однажды, проснулась божья коровка Маша и видит, цветы и травы вокруг поблекли, гвоздичные стенки ее дома увяли, травяной ковер пожелтел и высох.

Выглянула она из щёлки: над лугом больше не летают пчелки, а шмелиный дом стоит давно заброшенный, в нем гуляет ветер.

Выглянула Маша из другой щёлки: круглый осиный домик тоже опустел, и ветер раскачивает его из стороны в сторону словно бумажный шарик.

Посмотрела Маша на небо, а оно серое, висит низко, облака совсем близко, а солнышко не видать, может быть, оно ушло спать?

— Холодно! Голодно! — дрожит божья коровка Маша. Ах, мой милый летний домик, ты мне верно служил и свое отслужил! Пора, видно, на зимнюю квартиру перебираться. Все уже уехали, не одной же мне оставаться!

И она пролезла сквозь стенку. Вдруг ветер щеки надул, осиный домик-мячик с ветки смахнул

и погнал-покатил прямо к Машиным ногам. Прыгает домик, скачет, как мячик!

— Поиграю-ка я в футбол, — решила букашка Машка, — забью-ка я гол! Только кому?

Тут навстречу ей стрекоза летит. Тащит огромный чемодан, к ручью спешит.

— Привет, стрекоза! Иди со мной в футбол играть! А за то, что ты меня летом из воды вытаскила, я тебе поддамся и ты выиграешь 6 : 0! — кричит божья коровка Маша.

— Для меня большая честь играть с победительницей конкурса „Моды“, но я ужасно спешу, меня ждет плот, он меня увезет туда, где тепло! — ответила стрекоза.

Маша помогла стрекозе дотащить чемодан, они вдвоем погрузили его, а ветер надул парус-листок и плот отправился в путь.

Букашка Машка одна гоняет мяч, хоть реви, хоть плачь, не с кем ей играть.

Вдруг паук-крестовик идет, на спине мешок несет. Бо-ольшой-пребольшой!

— Здравствуй, паук! Идем в футбол погоняем.

132/ Ты мне весной так прекрасно играл на цимбалах,

а я тебе за это проиграю в футбол 9 : 0! — крикнула ему Маша.

— Большая честь для меня играть с такой знаменитой танцовщицей, но, увы, меня ждет самолет, я отправляюсь в полет.

Божья коровка Маша паука проводила, в самолет посадила.

Подкатила Маша осиный дом к шмелиному, а там шмель двери закрывает, гвоздиками забивает, винтиками завинчивает.

— Привет, шмель! Ну хоть ты со мной в футбол поиграй! Я тебе проиграю 11 : 0! — просит Маша.

— Сыграю, почему не сыграть! Мы все лето были добрыми соседями! Чтобы не было потерь, отнесу подальше дверь. Правая стена будет у нас вместо правой штанги, левая стена вместо левой, а потолок — вместо перекладины! Ворота у нас есть, мячик есть, чего же нам еще надо? А двери я сниму и в зимний дом отнесу.

Помогла ему букашка Машка двери отнести. А в зимнем доме шмелиха уже спит. Посмотрел на неё шмель, стал зевать, носом клевать, а потом лапки согнул, лег и тоже уснул! Ну, что ты будешь делать?

Пришлось Маше играть в футбол самой с собой. Правая стенка — правая штанга, левая стенка — левая штанга, потолок — перекладина. Так! Ворота есть, мяч есть! Что еще надо? Ничего! Сыграем!

Быстрее ветра мчится божья коровка Маша вперед, ногами по мячу бьет! Рраз — и мяч в воротах, прямо в верхнюю штангу угодил! Зашатались ворота и рухнули! Ведь шмелиный дом свое отслужил, рухнули ворота и мячик раздавили. Полетели во все стороны бумажные клочья!

— Ну, что ж! — не унывает божья коровка Маша. — И без футбола проживу, поиграю с последними луговыми цветочками — решила она и побежала на лужок, где росли красивые бледнолиловые цветы. Только хотела один сорвать, как на нее, откуда ни возьмись жук-смертиголов кинулся, к цветку не подпускает, в сторону оттирает!

— Привет, смертиголов! Ты что, не здоров? Зачем меня пугаешь, к цветам не подпускаешь? — обиделась Маша.

— Ах, милая Маша! Не сердись, я тебе добра желаю, потому и не пускаю! Этот цветок очень опасный, хотя с виду такой прекрасный. Его зовут безвременник осенний, а по латыни, на ученом языке колхикум аутумнале. Безвременник осенний очень ядовитый, еще ядовитей, чем аманита мускариа — красный мухомор!

— Значит, я не могу его даже погладить? Он такой красивый. Сиреневый!

— Смотреть — смотри, но в руки не бери! Возьмешь и сразу умрешь!

— Неужели это правда?

— Я — ахеронция атропос даю тебе свое честное слово! А теперь я тороплюсь, прощай Маша, будь здорова! — и улетел.

Божья коровка Маша вся дрожит от страха и холода, ведь на ней надето только тонкое платьице. А смертиголову все нипочем, на нем бархатный кафтан. Ему на ветру летать не холодно.

Видно пора и Маше на зиму устраиваться. Вокруг ни души, все попрятались, кто в норку, кто в домик, кто в щёлку, кто под ветку, кто под листок, кто под дерево, в теплый уголок . . .

Прилетела букашка Машка на свой знакомый косогор. Опустилась на бугор. Во всех зимних норках уже закрыты дверки, только один домик стоит — двери нараспашку, ждет свою хозяйку, букашку Машку.

136/ Вбежала Маша в домик, дверь захлопнула, посмотрела в окошко: Да, уже осень на дворе и не

видно солнца. Прощай, лето! На будущий год встретимся!

Опустила Маша шторы, на окошке, прошлась по коридору. Зажгла лампочку, уселась в кресло. Сидит. Ждет, когда печка-луковка греть начнет. Глаза у божьей коровки Маши слипаются. Сны в домик слетаются. Первый сон зовется зевота, второй — дремота, третий — спать охота . . .

Вот и конец! Все, что мы про букашку Машку, божью коровку семиточечную знали — мы, вам, дети, рассказали. Божья коровка по латыни кокцинелла септемпунктата, у нее на красной спинке семь черных точек! Кто не верит — пусть поверит.

А мы с вами прощаемся и ставим последнюю точку.

БОЛЬШУЮ.

Оглавление

Чудо-печка	7
Как букашка Машка в шарики играла	15
Как букашка Машка на кобылке каталась	22
Лесная музыка	30
Как букашка Машка едва не пропала, зато козявкам трудную-претрудную загадку загадала	39
Интересный разговор	47
Во саду ли, в огороде	51
Строительство	59
Радио без антенны	66
Сею, вею, вею, вью, белую муку мелю	76
Лентяй — лежебока	83
Навозный жук	89
Земляничный телефон	96
Пылесос	103
Мода этого года	109
Ужасные драчуны	116
Почему букашка Машка так сердилась	122
Прощай, лето	131

Йозеф Павлович

Бужаика, по имени Машка

Иллюстрировала Люба Кончекова-Весела

С словацкого оригинала Lienka Anulienka, Mladé letá, Bratislava 1982, перевела Вера Петрова. Издание этой книги осуществлено издательством „Младе лета“, Братислава, ЧССР, в творческом содружестве с издательством „Детская литература“, Москва, СССР.

Редактор Л. Либет.

Тираж 70 000 экз.

Цена 2 р. 35 к.

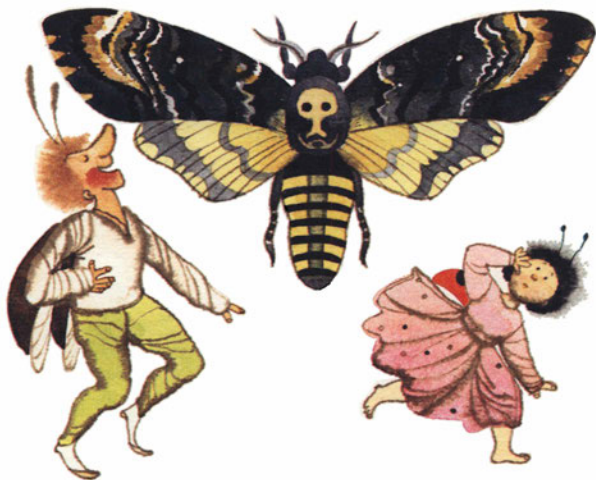
ОТПЕЧАТАНО В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Безвременник осенний

по латыни *Colchicum autumnale*

(читать надо колхикум аутумнале)

Лишай Смертиголов
по латыни *Acherontia atropos*
(читать надо ахеронция атропос)